

Василий
КОНОПЛЕВ

С ТЕПЛОМ
И
СВЕТОМ

• ИЗБРАННОЕ •

Красной Сибире
Они автор
С надеждой на будущее
сотрудничества

В. Корзин

21.11.192-

Издательство
«Северный Казахстан»

Василий
КОНОПЛЕВ

С Т Е П Л О М
И
С В Е Т О М

· ИЗБРАННОЕ ·

Петропавловск
2019

* * *

Я водкой укорачиваю годы.
Пугают: «Так не долго до беды!»
Но не испортят жизненной погоды
Две сотни граммов огненной воды.

Пусть встречу после длительной разлуки
Украсит нам засталия ландшафт.
Но не беседа будет – просто муки
Без выпитой вдвоём на брудершафт.

Порой не излечить души недуга
Иным лекарством, кроме как «сто грамм».
Помянем мы безвременного друга,
Не чокаясь, с слезою пополам.

На свадьбе не дождёмся мы веселья,
Пока не крикнем «горько» под стакан.
И будет ли счастливым новоселье,
Когда никто от счастья не пьян.

А первая зарплата! а обнова!
А день рожденья! вид на урожай!
И в праздники друзей, собравши снова,
Всех угощай! себя не обижай!

Пельмени, грузди, огурцы без водки –
Да всё равно, что сани без коня,

УДК 821(574)
ББК 84(5Каз-Рус)
К64

Коноплев В.Г.

К64 С теплом и светом: Избранное / В.Г. Коноплев. –
Петропавловск: Изд-во «Северный Казахстан»,
2019. – 192 стр.

ISBN 978-601-7958-15-2

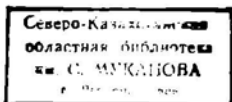
Стихи о дружбе и любви, о ностальгических переживаниях, а также аллегорические рассказы и баллады, монологи фронтовиков, размышления о поэтическом творчестве и лирические песни – всё это вы найдёте в новой книге Василия Коноплева. Он автор поэтических сборников, прозы, публицистики, и это восьмая книга североказахстанского литератора. В неё включены как уже опубликованные стихотворения, так и свежие, впервые представленные на суд читателей.

561936

УДК 821(574)
ББК 84(5Каз-Рус)

ISBN 978-601-7958-15-2

©Коноплев В.Г., 2019
©Издательство «Северный Казахстан», 2019

ОЧАРОВАН С ДЕТСКИХ ЛЕТ

Представляющий свой очередной поэтический сборник Василий Георгиевич Коноплёв увлёкся искусством с детских лет да так и остался навек вовлечённым во многие его разнообразные виды: красоту поэзии, царство музыки, волшебство театра. Любовь к прекрасному открывает человеку безбрежные горизонты творчества. Вот и детское очарование прекрасным постепенно переросло в желание познавать искусство и принимать в нём деятельное участие, так в судьбе будущего поэта счастливо сплелись воедино желания узнать и сделать:

В детстве нам ручейком простодушным,
Беззаботным не хочется быть,
Это кажется нам просто скучным –
Полноводной рекою бы плыть.

В 19 лет Василий окончил театральную студию при областном драмтеатре имени Погодина в Петропавловске. Будучи студентом филфака, принимал активное участие в работе Народного студенческого театра педагогического института в качестве актёра и режиссёра. Затем работал редактором на телевидении, учителем, завучем, директором школы. Но чем бы он ни занимался, всегда находил время для творчества: писал стихи, собирал материалы о Пушкине, сочинял музыку и исполнял под гитару свои программы. Он жил в каком-то заданном им самим ритме жизни,

который позволял ему многое совершать: заботиться о своих друзьях-товарищах, создавать тепло и уют в своей семье, помогать молодым талантам и тем, кто просто нуждается в добром слове, внимании, поддержке и помощи.

Стремясь в полёт, себя почувствуй птицей,
Пари, весь мир вокруг себя любя.

Работая учителем русского языка и литературы, успевал регулярно публиковаться в нашем прекрасном областном журнале «Провинция», коллективных литературных сборниках, издал семь книг, два альбома авторских песен, жил так, «чтоб жизнь была поэзией полна».

Название настоящего сборника «С теплом и светом» очень точно отражает суть поэзии Василия Георгиевича. Тема добра и зла постоянно волнует поэта. Как жить и что ценить, к чему стремиться и кого любить? Эти философские вопросы незримо сопровождают всё его творчество. Автор убеждён, что перед каждым человеком стоит нравственный выбор, который предоставлен ему самой судьбой. В одном из стихотворений он пишет, что с рождением человека к нему приставлены два незримых ангела:

Один – злой гений пагубных страстей,
Змей-искуситель сладких вожделений,
Он соблазняет жить как фарисей:
В лукавстве, во грехе и в праздной лени.

Другой – змей мудрости и доброты,
Трудов благонамеренных, участия,
Воспитывает чувство красоты
И вдохновляет на любовь и счастье.

«Они как испытанье мне даны», – пишет поэт,
и от самого человека зависит, кого из посланцев он
выберет и будет следовать его заветам:

*От бога – гений, змей – от сатаны,
Две равных части жизненного круга.*

Поэт как целитель человеческих душ не может
ошибиться в этом пожизненном выборе, он единож-
ды и навсегда окрылён своей Музой:

*И подчиняясь вдохновенью,
Рука сама к перу спешит,
И возникает единенье
Стихов, природы и души.*

Вся поэзия Василия Коноплёва пронизана свет-
лым чувством духовности, высокой нравственности
и веры. И он искренне завещает читателям эти свои
нравственные принципы: любовь – навсегда, друж-
ба – навечно, счастье – в руках человека, судьба –
в деснице Божьей.

...Торопитесь жить.

Жить красиво, вдохновенно, только не спеша,
Чтобы где-то не отстала по пути душа.

Для себя поэт уже давно решил свою судьбу, выбор его как кредо, за которое можно только уважать:

Как река, я отдам себя людям,
Напоить, накормить буду рад,
Пусть с друзьями мы счастливы будем,
И пребудет в семье мир и лад.

Широк диапазон творчества поэта. Нежностью дышит его любовная лирика; глубокой привязанностью к родному краю проникнуты стихи о природе; сопереживанием и болью пронизаны стихи на исторические, патриотические темы; юмором, сатирой, а то и сарказмом наполнены аллегории и басни. Поэт верит в красоту и силу слова. Его языковые средства своеобразны, сравнения неповторимы:

Слова, сверкнув снежинкой на морозе,
Останутся в читательских сердцах.

Его «Солдатские монологи», где он ведёт повествование от первого лица, отличаются искренностью чувств, глубокой правдой о войне. В ряде стихотворений автор продолжает традицию таких поэтов, как А. Твардовский («Я убит подо Ржевом»), К. Симонов («Жди меня») и др. Не может не тронуть душу его стихотворение о прощании с другом:

Не от холода дрожь под шинелью.
От отчаянья плачу навзрыд.

Ты в лесу под развесистой елью
Будешь в братской могиле зарыт.

По-настоящему трагично содержание последнего «прости», обращённого к другу, который на фронте стал братом, а теперь ему «будут братьями в общей могиле тридцать два из пехоты бойца». Значит, вместе с другом их погибло тридцать три. Именно этот образ «тридцати трёх богатырей» придаёт повествованию эпичность.

Ты прости меня, верный товарищ,
Предназначено, видно, судьбой
Не иметь нам совместных пристанищ
Ни по жизни, ни в смерти с тобой.

Такие простые слова, но как они верно отражают сакральные чувства человека, который, любя близких, хочет и после смерти быть рядом с ними. Кажется, что в стихотворении описана ставшая привычной для солдата процедура погребения после жестокого боя, но поэт рассказывает не о самом событии, а о человеческих чувствах, которые памяты каждому, кто терял дорогих и любимых. Последний поклон и молчаливое обещание ушедшему, обещание, которое нельзя не исполнить. Однако на войне нельзя быть уверенным даже в этом: «Я тебя попроведать приеду, Если раньше не встречусь с тобой».

Это стихотворение Василия Коноплёва, как и многие другие, – напоминание о Великой Отечественной

войне, итоги которой сейчас пытаются исказить и забыть «о тех, что под берёзами лежат» и о тех, что похоронены по всей Европе:

И могилы *под елью австрийской*
Никогда мне теперь не забыть.

За скупыми строчками биографии автора этой книги: «Организовал персональную постоянно действующую выставку, посвящённую памятникам Пушкину «В граните, гипсе, мраморе и бронзе», – скрывается огромная работа, выполненная основательно и с любовью к поэту земли русской:

Словом пламенеет гения тепло,
Согревает всех, к нему прильнувших,
Потому от чтенья Пушкина светло
Даже сотни лет спустя минувших.

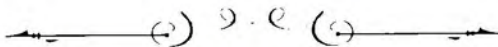
В жизни нашего поэта-земляка тема, связанная с творчеством А. С. Пушкина не случайна. Его книга о памятниках великому русскому поэту «Есть сердце, где живу я», выставка картин с памятниками со всего света, интернет-сайт «Памятники Пушкину» – яркое тому подтверждение. Тем самым Василий Коноплёв внёс свою лепту в изучение творчества поэта, открыл новую страницу в мемориальной Пушкиниане.

Василий Георгиевич Коноплёв один из ярких представителей творческой интеллигенции, в том числе мастеров поэзии, прозы и журналистики.

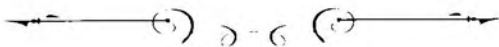
Он вошёл в плеяду любимых и талантливых поэтов-североказахстанцев, среди которых выпускники нашего вуза: Владимир Шестериков и Валерий Любушин, Александр Курленя и Василий Коноплёв, Владимир Щукин и Валентина Дмитриченко, Василий Колин и Михаил Гвоздев, да всех и не перечислишь. Хотя прошло немеренное количество лет, всех этих студентов помню.

Листая новый сборник Василия Георгиевича Коноплёва, как преподаватель радуюсь его успехам, верю, что его поэзия любви и добра поможет не только студентам, но и всем любителям поэтического творчества найти свой путь к Храму, а как коллега желаю ему не останавливаться на достигнутом, памятуя о том, что пределов совершенству нет.

З.П. ТАБАКОВА,
профессор,
доктор филологических наук.

ЛИРИКА
РАЗНЫХ ЛЕТ

СЕКРЕТ ПОЭЗИИ

У поэзии возраста нет,
 Нет, похоже, у творчества пола,
 Вечно молод душою поэт,
 Хоть и нет над челом ореола.

И сезонов в поэзии нет:
 «Пушкин – осень, весенний – Есенин».
 Это всё устаревший навет,
 Он давно уже несовременен.

И конкретного цвета в ней нет,
 У поэзии нет, – ну не встретил я!
 Сотворён поэтический свет
 Из эпитетного словоцветия.

Но имеют поэты секрет,
 Если честно, заветную тайну.
 И они, как святой амулет,
 Охраняют её чрезвычайно.

Не просите, поэт чтоб раскрыл
 Сокровенное, тайна простая:
 Он без рифмы и ритма бескрыл,
 И без образов он не летает.

ПОЭТУ

Поэзия – хроническая хворь,
Легко однажды ею заразиться
И от неё не сможешь излечиться,
Ты знаешь сам, поэтому не спорь!
Она проникла в кровь и плоть твои.
Поднимет ночью, утром спозаранку,
И вывернет всю душу наизнанку,
Ты только ничего не утаи.
И славы не потребует она,
Лишь музе преданного поклоненья,
Чтобы постичь прекрасного мгновенья,
Чтоб жизнь была поэзией полна.
Рецептов, знаем, в нашей жизни нет.
В судьбе у нас бывают неудачи,
И потому в дали от всех поплачем,
Слезам дав волю на один момент.
Очистимся и выразим в стихах,
Что для других доступно только в прозе,
Слова, сверкнув снежинкой на морозе,
Останутся в читательских сердцах.
О, этот поэтический недуг!
Недомогать им мы совсем не против
И рады, в том уверенность упрочив:
Стихи для нас – и мука, и досуг.

ПРОСЬБА

Закономерно это иль случайно,
Но Ты однажды в просветленный миг
Открыла мне простор необычайный,
И я мир откровения постиг.
Ко мне порой заглядываешь ночью
И днем приходишь в неурочный час.
Пусть я не созерцал Тебя воочью,
Другие замечали вместе нас.
Мы не равны, Ты старше многократно,
Летаешь, в беспредельность воспаря,
Но счастлив я, когда ко мне приватно
Снисходишь, вдохновение дая.
Мы разные с Тобой непостижимо:
Возвышенная Ты, а я земной,
Но что-то нас влечет неудержимо,
И Ты всецело управляешь мной.
А я принадлежу себе не часто
И отдаляюсь от Тебя – прости.
В такие дни гляжу на мир бесстрастно,
В немой тоске осиротелости.
Вот и прошу прощения у Музы,
Молю Её совсем не о любви,
Есть у меня супружеские узы,
Но Ты и наш союз благослови!

ДОМ, СЫН И ДЕРЕВО

Всем поговорка ветхая известна,
 О ней не помнить – нет у нас причин:
 Что значат, до сих пор нам интересно,
Дом, дерево и сын в судьбе мужчин?

Построить **дом** – равно семью и счастье,
 Я занимался этим без затей,
 Берег семью от жизненных ненастий,
 Крепил дом свой, родительский, детей.

Дедам я был достойный подражатель
 И первым **сына** произвел на свет,
 Фамилии моей он продолжатель,
 А внука мне родить – ему завет.

И, **дерево** своё взрастив стихами,
 Я в день грядущий с рифмами проник,
 Потомков чтоб порадовать строками,
 Мною изданных и ждущих света книг.

СТИХОТВОР

Уйдёт проблем дневных обуза,
Слетит с усталого плеча,
И освежит поэта Муза
Водой Кастальского ключа.
Строка к строке с пера ложится,
Поэт им водит чуть дыша,
И как в полёт стремится птица,
Так воспаряется душа.
Страница полнится строками,
Ещё одна – катрен готов,
Слова сплетаются венками
Из ярких образов-цветов.
Откуда образы берутся,
И сам не знает стихотвор:
Они из недр душевных рвутся
На поэтический простор.
Мы спим и снам своим внимаем,
А он работой увлечён
И, чувствами обуреваем,
Забыл про отдых и про сон.
Вот гаснут звёзды пред рассветом,
Как будто вымокли в росе,
И найдены слова поэтом
Их описать во всей красе.
И вроде человек обычный
И не похож на мудреца,
Но видит чудо он в привычном
И верен Музе до конца.

ФАНТАЗИЯ

Снова ночь – чаровница покоя,
И луна – вдохновенья исток.
Не пойму, что со мною такое?
Подхватил меня ветра поток
И понёс на восход, словно птицу,
И я, руки раскинув, плыву.
Может, это мне только лишь снится,
Но ведь вижу всё, как наяву.
Вот и конь появился кудлатый,
Не возможно подобное днём,
Пробуждает Пегас мой крылатый
Во мне творческой силы подъём.
И рифмую воздушные строки,
Их без счёта в пространстве большом,
И замедленным жестом широким
Я их черпаю звёздным ковшом
И выплёскиваю на страницы,
Они стройно столбцами встают.
Нет, пусть это мне всё-таки снится.
Возвращаюсь в домашний уют.
Ну, к чему мне полёты ночные,
Если прост и понятен удел –
День придёт, и заботы сплошные
Будут требовать суетных дел.
Это к звёздам полёт бесконечен –
А земному пути есть конец.
Но поэтов манить будет вечно
В поднебесии лунный венец.

ЗИМНИЙ БАЛ

Зима, оправдываясь перед летом,
За то, что оголила стройный лес,
Всё инеем укрыла, но при этом
Учла мужской и дамский интерес.

На кедре ментик галуном сребрится,
А рядом в белом, словно на балу,
Прижалась к кедру ель, его сестрица,
Привздёрнувши кокетливо полу.

В крахмальных кружевах сверкают блёстки,
Атласно бледен снежный крепдешин,
И косы в буклях свисли у берёзки,
Забёленные пудрой до вершин.

Лилейные блистают пелерины,
Иного цвета не одел никто,
Лишь у одной кокетливой рябины
Пришиты бусы алые к манто.

Широкоплечий дуб, седой и стильный,
Стоит невозмутимо, как скала.
А в стороне, в свисающей мантилье,
Привычно дремлет старая ветла.

Здесь поросль сосёнок молодая
Одетая в молочное живёт,

О будущей судьбе своей гадая,
Среди сугробов кружит хоровод.

Однообразна пусть зимы примета
На белом загрунтованном холсте,
Но вовсе не уступит прелесть эта
Ни летней, ни осенней красоте.

Мы те же все зимой и всё ж другие,
Тому спасибо, кто её создал.
И мы с тобой, как гости дорогие,
Приглашены на этот зимний бал.

СОНАТА*

Из сумерек вечерних тайно
Ночь выплывает, как ладья,
И в этот час необычайный
Округу озираю я.

Туман клубится над болотом,
Окутывая камыши,
Сова перед своим полётом
Прослушивает даль тиши.

Как богатырские шеломы,
Мечом разбитые в боях,
Стоят стога ржаной соломы
На перепаханных полях.

И сквозь мохнатые ресницы
Уже безлиственных берёз
Луна стеснительно косится
В предчувствии осенних грёз.

И отразившись над стволами,
Тая в ночи сусальный свет,
Кресты, сверкнув над куполами,
Дают молчания обет.

* Соната - чередование коротких созерцательных эпизодов. Из цикла «Ноктюрны» – ночные.

Камыш, туман седой над лугом,
Луна, кресты, деревья, ночь,
Пары, взъерошенные плугом, –
Мне, как друзья, хотят помочь

Найти слова для объяснения
И чувств моих, и глубины
Душевного в груди волнения
От вдохновенной тишины.

На это всё вокруг взирая,
Себе стократно говорю:
Небесного не надо рая,
И на земле я, как в раю.

ЭТЮД

Как фейерверк, вода искрится
В дождинках, льющихся на свет,
И отражает черепица
В ночи фонарный горицвет.

И пламенеет отраженье
Во тьме блуждающих огней.
Неуловимое движенье –
Сверканье брызг ещё сильнее.

И разлетается водица,
Себя для красок не щадя,
И размывается граница
В смешенье света и дождя.

Палитры свежее творенье,
Исполненное мастерскі.
В свеченье и в неповторенье
Пылают яркие мазки.

На улиц, скверов серпантины
Из поднебесной высоты,
Как на пейзажные картины,
Слетают чары красоты.

И подчиняясь вдохновенью,
Рука сама к перу спешит,
И возникает единенье
Стихов, природы и души.

ДВА ГЕНИЯ

Вместе с младенцем мужского пола
рождались и его гении – добрый и злой.
По античной мифологии гении обычно
появлялись в змеином обличи.

Родился я – два гения со мной
На свет явились в облике змеином,
И, мой сопровождая путь земной,
Они всегда присутствуют незримо.
Один – злой гений пагубных страстей,
Змей-искуситель сладких вожделений,
Он соблазняет жить как фарисей:
В лукавстве, во грехе и в праздной лени.
Другой – змей мудрости и доброты,
Трудов благонамеренных, участия,
Воспитывает чувство красоты
И вдохновляет на любовь и счастье.
Они как испытанье мне даны,
Два спутника моих и верных друга,
От бога – гений, змей – от сатаны,
Две равных части жизненного круга.
Один «налево» страстно увлечёт,
Другой «направо» праведностью манит.
Мне оба шепчут в ухо горячо,
И я меж ними в мыслях, как в тумане.
Так и живу, не властвуя собой,
Вхожу в период жизненный осенний.
Мой левый гений, я заложник твой!
Храни меня, мой добрый правый гений!

НЕЮБИЛЕЙНОЕ

Пока я пестовал словами
Свой неокрепший новый стих,
Опять, друзья, судите сами,
Неюбилей меня настиг.
И вновь ловлю себя на мысли:
А всё ли я успел за год?
А мои чувства не прокисли?
А я всё тот же иль не тот?
А вдруг не встретил я рассвета,
Который для двоих цветёт,
С любимой не нашёл край света,
Где, как в раю, душа поёт?
Вдруг не заметил я движенья
Ручья, рождённого весной,
И не увидел отраженья
Звезды в зеркальности речной?
И не успел сказать о главном
Всем, окружающим меня,
О том, как требуют тщеславно
Стихи от автора огня?
Но закрывает пламя пепел
На затухающем костре,
Так вечер на закате светел,
Покуда солнце на горе.
Короткий миг ночного бденья,
И строфы выткали узор
Из чувств моих и наблюдений,
Создав безмолвный разговор.

Ещё вчера, пустой и чистый,
 Лежал листок передо мной,
 Сегодня, мыслями искристый,
 Он для меня – бокал хмельной.
 И чудо перевоплощенья
 Безудержно влечёт меня,
 Как деву юную смущенье
 Любви тревожит, вдаль маня.
 Как много в жизни удивлений!
 Их просто б мне не пропустить,
 И не позволить праздной лени
 Во мне гнездо бездушья свить,
 Не перестать бы удивляться,
 И, чтобы чувствам не остыть,
 Мне надо каждый день влюбляться,
 Чтоб каждый миг любимым быть.

ДЕНЬ И ГОД РОЖДЕНИЯ

Дни рожденья всё больше и больше
К нашей жизни плюсуют года.
И живём мы на свете чем дольше,
Тем заметнее лет череда.

Дни рожденья все ближе и ближе
Нас подводят к концу наших дней.
Кто подрос, кто намного стал ниже,
С высоты наших лет всё видней.

Дни рожденья всё дальше и дальше
Нас уводят от нас же самих.
Мы становимся чуткими к фальши,
Всех деля на чужих и своих.

Дни рожденья всё чаще и чаще
Прорастают деревьями лет,
Среди них мы бредём, словно в чаще,
Сожалея о том, чего нет.

День рожденья, опять день рожденья.
Сколько их? Не считай никогда.
Потому что один, к сожаленью,
Год рожденья один навсегда.

ТОРОПИТЕСЬ ЖИТЬ

Все умрём, так этой жизнью
 надо ль дорожить?
 Но не умереть спешите –
 торопитесь жить.
 Жить красиво, вдохновенно,
 только не спеша,
 Чтобы где-то не отстала
 по пути душа.
 У духовности дороги
 вовсе не прямы,
 В них возможны и соблазны
 бездуховной тьмы.
 Так мечтайте о высоком,
 пусть наверняка
 Всё исполнится сегодня:
 жизнь не на века.
 Чтоб светить в домах оконцам,
 зеленеть лесам;
 Чтоб звенеть, как колокольцам,
 детским голосам;
 Чтобы было продолженье
 жизни после нас;
 Чтобы и о наших судьбах
 создали рассказ,
 Всё своё предназначенье
 надо совершить,
 А чтоб это совершилось –
 торопитесь жить.

ПОСВЯЩЕНИЕ

Тепло весны вселяет нам надежду,
Что лучшее уже не за горой.
Мы будущее разделяем между
Счастливой и счастливейшей порой.

Пусть солнце не палящими лучами,
А нежным поцелуем одарит;
И чувство родниковыми ключами
Из недр поднимется, ручьями забурлит.

Стремясь в полёт, себя почувствуй птицей,
Пари, весь мир вокруг себя любя;
И пусть мечта в реальность воплотится:
Любимые пусть любят лишь тебя.

ВETERAN

Как быстро промелькнули и молодость,
и юность,
 Экспрессом пролетели минувшие года!
 Закрашивать сплошную седую неуютность
 Давно привычкой стало. Но это не беда!

Безделье надоело, невысказанность слова,
 И выходных похожест, и будней череда,
 И чтобы на работу мы не явились снова,
 Нам пенсию назначат. И это не беда!

Беда совсем другое: когда тебя не вспомнят,
 Не пригласят на праздник, забудут о тебе,
 Когда в порывах добрых вдруг станешь
ты не понят
 И будешь просто лишним в назначенной
судьбе.

Поверьте, опыт жизни и труд наш не напрасны,
 Судьба перед глазами, как фильм на весь экран,
 И там в заглавной роли к делам небезучастный
 Заслуженный, почётный и стойкий ветеран!

ШЕСТОЕ ИЮНЯ

Он наше всё, он свет души России!
Да что России – всей планеты свет!
Меня где только судьбы не носили!
Везде известен Пушкин как поэт!

Невыездной при жизни за границу,
Посмертно он легко туда проник:
Во многих странах, в селах и столицах,
Теперь известен его светлый лик.

В Америках, латинской и английской,
И в Азии, и в Африке стоит –
И в дальнем зарубежии и в близком –
На постаментах бронзовый пиит.

К нему и на него готовы снова
Мы помыслы и взоры устремлять.
Все Пушкина сегодня, как живого,
Приходят с днём рожденья поздравлять.

Народная тропа не зарастает.
Века и годы, дни и всякий час
Звук лиры Вашей в нас не умолкает,
Мы помним, Александр Сергеич, Вас.

СВЕТ ЗВЕЗДЫ

Гении, как звёзды, – вестники миров,
 Временем сокрытых и пространством;
 Свет от удалённых в космосе костров,
 Обогревших нас протубиранцством.

Словом пламенеет гения тепло,
 Согревает всех, к нему прильнувших,
 Потому от чтенья Пушкина светло
 Даже сотни лет спустя минувших.

Светит путеводно Пушкина звезда
 Следом за поэзией идущим,
 Было так доньше, будет так всегда –
 Это свет для гениев грядущих!

КОНЦЕРТ В КЛУБЕ

В районном центре всё это было,
Ну, так и что же –
Искусство к сельским рекой приплыло –
Там люди тоже.
Билет им дали по разрядке,
И в дом культуры
Они явились, оставив грядкам
Все маникюр.
Их удивило, что в полумраке
(С чего бы ради?)
Артист один лишь, хоть и во фраке,
Был на эстраде.
Зажёг свечу он, прижался к скрипке –
Она запела.
И тишина вдруг от свечки зыбкой
Оцепенела.
Трудилась скрипка в руках умелых –
Не «Страдивари»!
Стальные струны звенели смело –
Их не порвали!
Созвучно жили в одном дыханье
И зал и сцена.
Смычок метался в очарованье
Самозабвенно.
Скрипач купался в своей стихии:
Он мастер дела.

И мелодичность в сердца людские
Перелетела.
Здесь были горе, и боль утраты,
И униженье,
Печаль разлуки, беды раскаты,
Надежд крушенье,
А к ним на смену стремились звуки,
Как на контрасте,
В невероятном порыве муки
Любовной страсти.
Душа рыдала так безутешно,
Что замирала,
Слёз умиленья она безгрешно
И не скрывала!
Вся жизнь, наверно, здесь промелькнула
В течение часа.
Как будто ветром всё всколыхнуло –
Свеча погасла.
Затихли струны, и прекратились
Страстей метания.
Молчанье в клубе... Вдруг разразились
Рукоплескания.

НЕВЫСКАЗАННЫЙ МОНОЛОГ РОМЕО

11 марта – день тайного венчания
Ромео и Джульетты.

Теперь, когда обручены,
До смерти мы обречены
Быть только вместе, потому
Я суженую обниму,
В её запрячу кружева
Невысказанные слова
И скрою от неё глаза,
В них непролитая слеза.
Когда-нибудь, но не теперь,
Жить станут люди без потерь.
Уйдут на север холода,
Прибудет тёплая вода,
И без сомнения весна
Отучит ветви ото сна,
И будут только о любви
Петь днём и ночью соловьи.
Случится это не сейчас,
Потом, когда не станет нас.
Там в пробудившемся саду,
Лишь двух влюблённых не найду:
Не обнаружу там себя,
Но, что печальнее, тебя.

ПАМЯТЬ СЕРДЦА

Дочка пригласила.
 Офицер в их доме.
 Мама, сев без силы,
 Замерла, как в коме.
 Лейтенантик бравый
 Вдруг перекрестился,
 На колено правое
 С дочкой опустил.

Сохранила память
 Всё о нехорошем.
 Седина, как замять, –
 След о тёмном прошлом.
 Голубой околышек
 Форменной фуражки.
 В сердце словно колышек,
 Блеск ременной пряжки.

Ночью приходили
 Вот в такой одежде.
 Деда уводили,
 Рушились надежды.
 Папу забирали
 С синим на погонах,
 А семье соврали:
 «Сбор на полигонах».

Цвет как у жандармов,
Той давнишней рати.
Шьют дела не даром
Скрытные собратья.
Бдят всё, глядя в оба,
Безопасность чью-то,
Не нарушил кто бы
Властного уюта.

Был усатый, лысый,
И с пушистой бровью,
Меченый, и «крысы»,
Пачканные кровью.
Нет, не изменилась
За века и годы
Противоречивость
У людской породы.

Не прошли напасти
Времени господня.
По Матфею страсти
Живы и сегодня.
На груди распятые...
Всюду фарисеи.
Да, крепко объятье
Жертвенной России.

Видеть зятя рядом
Каждое мгновенье,
Думать, что за взглядом
Скрыто подозренье,
Что, в дела вникая,
Он «берёт» кого-то:
У него такая
Чёрная работа?!

Не сказав ни слова,
Глядя на влюблённых,
Будто слыша снова
Вековые стоны,
Нет, не из квартиры,
Тихо скрипнув дверцей,
Мать ушла из мира
От разрыва сердца.

БАЛЛАДА О ЗИМОРОДОКЕ

Когда Волна влюбилась
В Утёс, томясь тоской,
Со всею страстью билась
В тот исполин морской.

Слезой солёной моря
Омыв Утёс в прибой,
Откатывалась вскоре,
Любовь неся с собой.

Утёс, седой и мудрый,
Её обратно звал,
Свои седые кудри
Омыть ей предлагал.

И так любви их нежной
Крутилось колесо,
Что страсти их безбрежной
Был результат – песок.

Пятнистый Зимородок
К Утёсу прилетал,
От хищного народа
Семью спасти мечтал.

Утёс он, брата словно,
Осмелился просить

Под каменным заслоном
Своих птенцов растить:

«На крутизне отвесной
Врагам нас не найти:
Гнёзд разоритель местный
К нам не найдет пути».

Что ж, место среди трещин
И недоступных скал,
Где только солнце плещет,
Утёс им подыскал.

Счастливых Зимородков
Чета, найдя приют,
В судьбу поверив кротко,
Птенцов взрастила тут.

А птицеловов страстных
И хищников отряд
Ветра морей прекрасно
С волнами усмирят.

Но из любви к Утёсу
Унять не в силах страсть,
Накрыв приливом плёсы,
Волна разогналась,

И, захлестнув сначала,
Потом в один порыв
Гнездо птенцов умчала,
Морской водой накрыв.

Зря зимородки просят
Вернуть птенцов назад.
Всё дальше их уносит
Бесплодной страсти яд.

Утёс вздохнул в бессилье,
Услышав крик беды,
А волны уносили
Чужой любви плоды.

МУМУ

(неироничный пересказ)

Хоть сам дворянин был Тургенев,
Холопскую жизнь без прикрас
Он знал и, как истинный гений,
Назвал в честь собаки рассказ.

Помещица очень капризной
Была, что видать по тому,
Как с пёсией немой укоризной
Смотрела в глаза ей Муму.

Вот этого взгляда прямого
Хозяйка стерпеть не смогла,
Герасима глухонемого
Достала, как нитку игла.

Куда не зайдёт он с метёлкой,
Лишь только наденет суму,
Его уже кличет в светёлку:
«Когда ты утопишь Муму?»

Жестокая знает богачка:
Привычка раба велика.
Скулит под кроватью собачка:
Уж очень ей жаль мужика.

Ведь знает Муму: крепостница
Герасиму выдаст сполна.

Клубочком свернулась – не спится:
Прощается с жизнью она.

Напрасно мычит что-то дворник,
Его не доступно уму,
За что провинилась во вторник
У барыни в доме Муму.

А утром, собрав всё, что нужно:
Бульжник, верёвку, мешок –
Затянет Герасим потуже
Обтрёпанный свой ремешок.

Долг давит согбенную спину
(С тоски хоть в запой, хоть завой),
Покормит любимую псину –
Поминки... ещё по живой.

Вчера – просто дворник, сегодня –
Он должен губителем стать.
Убить бы проклятую сводню,
Да новую жизнь бы начать.

Он рвёт на груди душегрейку,
Как будто помещичий гнёт.
Но в петельку тонкую шейку
Сама собачонка суёт.

Не надо, мол, добрый Герасим,
Ещё не настала пора,

Твой бунт будет просто напрасен,
Пусть книгу прочтёт детвора.

И вот полтора уже века
Бежит всё кругами волна.
В собачьей судьбе человека
Кружит и кружится она.

Есть подвигу место любому,
Достойное место всему:
Герасиму глухонемому,
Крестьянина спасшей Муму.

ФИЛИПОК

Лев Толстой про Филипка
Быль для малолеток
Написал, её слегка
Упростив для деток.

Помним: был в семье отец,
Бабка, мать и братик.
Филипок, совсем юнец,
Наблюдал с полатей.

Всех ребят ведут учить,
А Филипка дома
С бабушкой на печи
Мнёт тюфяк с соломой.

Костя, брат его старшой,
Обижал Филипку,
Обзывал его «лапшой»,
Пока брат был хлипкой.

Стал подростком паренёк,
Филькой кликать стали.
Что не скушает, всё впрок,
Мышцы крепче стали.

Обижать его не смел
Ни один в округе:
Рвать легко Филипп умел
С лошади подпруги.

Тесно стало на селе,
Бедность одолела.
Что ни день – навеселе
Батька был без дела.

Из подёнщины отец
Рвался без успеха
И с семьёю, наконец,
В город переехал.

Вот и вырос Филипок,
Стал большим Филиппом.
Бес попутать, видно, смог:
К партии прилип он.

Вместо батькиной тоски,
Что глушил тот водкой,
На маёвки шли сынки
И другие сходки.

Жажда чтенья привела
Малыша за парту,
А теперь Филипп дела
Совершал для партии.

Стал он *пролетариат*,
Так в статьях учёных
Маркс и Энгельс говорят
О людишках чёрных.

По Европе ходит смерть
С траурною гризной,
Величать её теперь –
Призрак коммунизма.

В революцию бойцом
Был Филипп активным,
Комиссарским храбрецом
С книжкой партийной.

А потом была война,
Брат пошёл на брата,
И была распылена
Совесть без возврата.

Раскулачивал друзей
В той родной деревне,
Где когда-то пас гусей
По привычке древней.

В заключение – некролог.
Как писали в прессе,
Был размолот Филипок
В жерновах репрессий.

Думайте, читая быль,
Девочки, мальчишки,
Так ли вьётся нить судьбы
Филипка из книжки.

ПРО БОРЩИ

Ничего нет вкуснее борщей.
Кто не любит их – значит, не русский.
Без солянки, рассольника, щей
Мне не нужен и берег французский
С их измученным супом-пюре,
С немудрёной под соусом пастой,
С их изящным фруктовым амбре.
Не по вкусу мне это – и баста!
Вы едали трёхдневные щи,
С чёрным хлебом, с холодной сметаной?
Блюда лучшего и не ищи.
Я вот лично искать и не стану.
И уверен, что только у нас
Люди овощи не понарошку
Нарезают в остуженный квас,
Называя всё это окрошкой.
И конечно, лишь добрый Иван
С необъятною русской душою
В котелок ухнет водки стакан
И бульон называет ухой.
Не поэтому ль в нашем меню
Всё не жидкое – значит «второе».
Я нерусских за то не виню,
Я жалею их просто – не скрою.
И не думайте: «Вот, мол, гордец,
И развил здесь теорию супа!»
Я ж скажу: под горячий борщец
Не принять по сто грамм – это глупо!

БИЛЬЯРДНЫЙ ДУРАК

Дураков на свете много,
Признаюсь без всяческих врак
Отношусь я к ним нестрого:
Нужен в жизни нам дурак.

Идиотом очутиться,
Это просто ерунда:
Пьяный глуп, хотя проспится,
Недоумок – никогда.

«Дуралей с башкой дубовой», –
Говорим мы чудакам.
Пусть он с головой садовой,
Но везёт-то дуракам.

Он слывёт, порой, тупицей,
Это надо брать в расчёт.
Предложите помолиться,
Лоб в усердьё расшибёт.

«Олух ты, твой царь небесный», –
Величают дурака.
Много истины чудесной
В этом есть наверняка.

Нам без них неинтересно,
Как в искусстве без идей,

Дуракам повсюду место
И не только среди людей.

Вот в бильярде вы упрямо
Шар налево бьёте – глядь,
В угол справа как ни странно,
Упадёт, ядрёна мать!

В жизни всякому есть место:
Случай с опытом помножь,
Кием щёлк, и неизвестно:
Попадёшь – не попадёшь.

Не по логике бильярдной –
В лузу шар нежданно бряк,
И порадует изрядно
Нас внеплановый «дурак».

В сетке рыбкою озёрной,
Трепыхнётся глупый шар.
Пусть «дурак», но не зазорный,
Он нечаянности дар!

КОМУ ЧТО!

Кто-то любит мясо,
Кто-то травку ест,
Кто-то не напрасно
Тащит жизни крест.

У кого-то «мани»,
У кого-то власть,
Или шиш в кармане
И на всех «накласть».

Разное для разных!
Только всё же есть
У трудяг и праздных
Вера, совесть, честь,

Дружба и здоровье
Ближних и родных,
Я от них не скрою
Чувств и слов своих.

Я готов за это
И на грудь принять,
И с тобой, поэтом,
Встретиться опять!

ПАРАДОКСЫ

Рабочий день всё длиннее,
А ночи, как жизнь, короче.
Мы все поддаёмся лени
И с радостью, между прочим.

Но ценим не вязью письма –
А в банковском чеке росчерк.
Несказанное домыслим,
Читая всё между строчек.

А что-то мелькает мимо,
А кто-то проходит рядом,
Мы были неутомимы,
И нам отдохнуть бы надо,

Но лишь не от слов участия,
Совсем не от дружбы буден.
Упрямо стремимся к счастью,
И счастливы, значит, будем.

Когда-то и я был резвым,
Светился лучом лунным,
Но вдруг я устал быть трезвым,
Как, впрочем, и просто умным.

И вот безальтернативно
Я выражу мысли внятно:
Всё сладкое мне противно,
А горькое так приятно.

ГОТОВЛЮСЬ

Тасую мысли и слова,
Взрываясь тишиной.
Стихи рождает голова,
Но их пишу душой.

Гляжу на мир из-под ресниц,
Прореженных уже,
А ненаписанных страниц
Всё больше в тираже.

Да, был я молод, пылко мог
Творить, блистать и петь.
Не всё былое уберёг,
Но стоит ли жалеть?

Не я один готовлю речь
На праведном суде,
Не всех сумел я уберечь
От жизненных судеб.

Но сколько б ни было утрат
Средь мудрецов былых,
Иной уже поднялся сад
Талантов молодых.

* * *

Я в общем-то не сахар,
В том смысле, что не мёд.
Послать могу и на «хер».
Кто умный, тот поймёт.

Что ж обо мне недаром
Твердят, мол, ну и гусь!
Я знаю – не подарок.
Хоть этим не горжусь.

Но за друзей рубаху
Последнюю отдам,
Пойду за них на плаху
И заступлюсь за дам.

Не так уж я и вреден,
Как кажется сперва.
От мыслей, не от бредней
Белеет голова.

Мир чувств, переживаний –
Не худший мой изъян.
Я гость ещё желанный
Любимым и друзьям.

За ними – за стеною,
Их ряд не поредел.
И не достигнут мною
Мой творческий предел.

Что из-под лука старые колготки
Или шашлык без дыма и огня.

И на рыбалке «свято» за поклёвку!
А за улов не выпить просто грех!
Но чувствуешь себя порой неловко,
Что тост поднять ты не успел за тех,

Кто за бугром давно, кто за морями.
Их много (это, брат, не блеф!),
За чьё здоровье водку пью упрямо,
За их здоровье своё не пожалев.

КОРОТКОСТИШИЯ

ПРИГОВОР НОСКАМ

Сообрази, с какой такой тоски
По одному теряются носки?
Потерям этим приговор таков:
Особый вкус есть у моих носков,
Вот потому съедает их не зря
Стиральная машина втихаря.
К ней парами носки стирать ношу,
А после... их нечётными сушу.

ДОБИЛСЯ СВОЕГО

Достигнув славы и почёта,
Он стал ненужным людям «чо-то»!

ИЗ «ОНЕГИНА» ПО-НОВОМУ

Себя тем самым только губим,
Когда проходим мимо них.
Чем меньше женщин мы полюбим,
Тем больше будет женщин злых.

НАМЕКНИ

Пошлю я всё через плечо
В ответ на твой призыв: «Ну, чо»!

ПРО КОЛОБКА

Когда от бабушки и дедушки смывался
 Без ног, без рук хвостун известный – Колобок,
 Не знал, глупец, что обмануть себя пытался,
 И кто хитрее был, тот съест его и смог.

Уж ежели тебя готовят для еды,
 Не важно, где и кем, но будешь съеден ты.

НА РОМАН ПУШКИНА

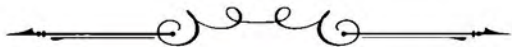
Поссорились Женя с Володенькой
 Из-за сестрички молоденькой.
 А вдруг бы два барина спьяну
 Поссорились из-за Татьяны?
 Роман по другому сюжету
 Пришлось написать бы поэту.

ОБ УШЕДШЕМ

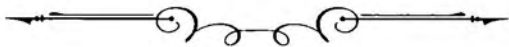
Социализм не погиб –
 Болел и умер своей смертью!

НА РОМАН ТОЛСТОГО

Это кто бежит красиво
 Впереди локомотива?
 Видно, не намерена
 Умирать Каренина.

ДРУЗЬЯ
ДУШИ МОЕЙ

ДРУЗЬЯ ДУШИ МОЕЙ

На верность проверять друзей не надо,
Они и так не спрячутся в тиши.
Мы даже врозь – сплочённая команда,
Надёжные друзья моей души.

Друзей порой теряют – это правда.
Как я, не растерять их ты сумеи.
От жизни мне счастливая награда –
Прекрасные друзья души моей.

Пожар любви случается весной,
Но и зимой его не затуши.
Всё то, что сотворили мы с женою, –
Прекрасная семья моей души.

Без вас, кого ценю, в кого я верю,
Без вас прожить счастливо жизнь нельзя,
И в этом я ничуть не лицемерю –
Люблю я вас, души моей друзья.

ЖИЗНЬ КАК РЕКА

Две вполне совместимые вещи:
Наша жизнь и речная вода
Та, что волнами вольными плещет
И несёт их почти в никуда.

Почему в никуда? Всем известно:
Наполняет река океан.
Среди гор и степей ей ведь тесно,
Они душат её, как аркан.

В детстве нам ручейком простодушным,
Беззаботным не хочется быть,
Это кажется нам просто скучным –
Полноводной рекою бы плыть,

Чтобы берег и слева, и справа,
Чтобы русло в крутой завиток,
Чтоб любили тебя и чтоб слава
Растекалась, как бурный поток.

Но чем больше воды и чем дальше
От истока теченьем несёт,
Тем яснее правдивость от фальши
Отличают познавшие всё.

Волны рек, прибежавшие к устью,
Принимает в себя океан.

С бесконечною радостью-грустью,
Он от счастья взволнован и пьян.

Растворяются в нём все мечтанья
Полноводной реки, ручейка.
Так зачем эти страсть и желанья,
Если жизнь у волны коротка.

Так и мы: всё стремимся куда-то,
Вырываясь из плена страстей,
Уходя от себя без возврата,
Не найдя в жизни новых путей.

Растворимся в конечном итоге,
Как волна в окончанье пути.
Но успеть бы в своём эпилоге
Мимо главного нам не пройти.

Как река – в никуда я, и всё же...
Пусть горит во мне пламени страсть,
Пусть не стану я в жизни моложе,
Но судьбою воспользуюсь всласть.

Как река, я отдам себя людям,
Напоить, накормить буду рад,
Пусть с друзьями мы счастливы будем,
И пребудет в семье мир и лад.

ДРУГУ АЛЕКСАНДРУ*

То ли старше я стал, то ль старее,
 Но теряется что-то оттуда,
 Где мы жить торопились скорее,
 Где мы жили в предчувствии чуда,

Где встречали в походах рассветы,
 Где нам было не много-то надо:
 Песни петь у костра не с кассетой,
 А под звуки гитарного лада.

Дым костра заменил я духами,
 А тепло для души – пухогрейкой.
 Поделиться своими стихами
 Лишь с газетой могу за копейку.

Приобрел для себя караоке –
 В одиночку мне петь не пристало.
 Вот пишу эти грустные строки,
 Потому что чего-то не стало.

И тогда я собрался с друзьями,
 Пригласив их за стол по старинке,

* Александр Юрьевич Курленя – поэт, автор многих поэтических сборников. Педагог, двадцать пять лет возглавляет школу № 1 в г. Петропавловске. Общественный деятель, руководит обществом славянской культуры «Лад».

Под селёдку и лук без салами,
Сало, хлеб и консервы с сардинкой.

И по телу тепло растекалось
Вместе с крепким напитком стакана.
Всем друзьям зарубежным икалось:
Вспоминали мы их неустанно.

Звон бокалов – как музыка дружбы,
Песни наши – алмазов кристаллы.
И признаний в любви нам не нужно:
Отношенья у нас крепче стали.

Вспоминали, стакан поднимая,
Как мы жаждали славы и боя.
Мы тогда были в юности мая,
А сегодня ноябрь нам с тобою.

Сколько прожито, сделано вместе,
Это все-таки многого стоит.
За тебя, мой дружище, за песни
Пью, как в юности, горькую стоя.

Мы сошлись не подвенечно –
Встреча свыше нам дана,
И не делимы вечно,
Словно месяц и луна.

Неразлучны мы с тобою,
Как течение и вода,
Так же небо голубое
Солнцу преданно всегда.

Разве ж были неизменны
Мы на жизненном пути?
Будут снова перемены:
Жить – не поле перейти!

Не прошить иглой без нитки,
Не изжарить без огня,
Не такой уж я и пряткий,
Когда нет с тобой меня.

Без тебя кому я нужен,
Как гитара без струны,
Как врагу холодный ужин,
Как гражданство без страны.

Мы скучаем друг без друга,
Ты по мне – я по тебе.
И за то, моя супруга,
Благодарен я судьбе.

* * *

В отверстиях звёздных небесная твердь
 Над нами висит не случайно,
 Блестала до нас и сверкать будет впредь,
 К себе привлекая ночами.

А что же за этим ночным решетом
 Сияет заманчивым светом?
 Пусть я не отвечу, но знаю: потом
 Ответ будет найден поэтом.

О, как мы ничтожны в пространстве миров,
 Как мизерна наша планета!
 Но в этом пространстве есть тёплый мой кров
 Спасибо любимой за это.

ВСТРЕЧА

Как долго мы не виделись с тобой!
 Расстались утром, ждём в томленьё вечер.
 Лёд хрустнет под ногами голубой,
 Не выдержав стремленья к нашей встрече.

Пусть и несмело, вновь пришла весна.
 Её приход, как этот мир, извечен.
 От бури чувств сегодня не до сна,
 От глаз твоих я вновь очеловечен.

К тебе летел, как ветер молодой,
 Обжечь тебя дыханием горячим.
 Мы радость встречи, милая, с тобой
 Ресницами сомкнутыми не спрячем.

И цветом нашей ласки и любви
 Всю седину висков своих закрасим.
 Ты молодости годы не зови:
 Цвет счастья в каждом возрасте прекрасен.

ВИКТОРУ ШАЛАЕВУ*

Какая ж мирная за долгие года
Послевоенная стояла осень,
И мама беспредельно молода,
И папа на погонах звездоносен!
И терпкий дух берёзовой листвы,
Ковром опавшей, принимал их чувства,
И поцелуи губ до синевы,
И пылкие объятия до хруста.
Они, сердечной страстью воспылав,
В запас не списанные офицеры,
Нарушив и приказы, и устав,
Друг другу пылко отдались без меры!
И не было, казалось, ни войны,
Ни горечи потерь, ни жизни прошлой,
И не было за то ничьей вины,
А новый мир к ногам их юным брошен.
Всё по-другому было? Может быть.
Но и тогда, любовно замирая,
Они счастливыми хотели долго жить:
Закончилась Вторая мировая.

А девять месяцев, как следует, спустя,
Украшив театральную обитель,
Басистым криком мир оповестя,
На свет явился Виктор – Победитель.

* Шалаев Виктор Григорьевич – актёр, режиссёр, писатель, Заслуженный артист Казахстана.

НАВЕЯЛО

Вот пришло к нам снова
Рождество Христово:
Снег, мороз, и горка в радость детворе!
Так же вот когда-то
Жили мы, ребята,
С ощущеньем счастья в давней той поре!

Как блаженной дали,
Лета ожидали,
В радости и в дружбе время то прошло.
Мы в походах были
И пешком ходили,
У костра с гитарой было хорошо!

Вроде, мы всё те же,
Встречи только реже,
И друзей всё меньше так же, как подруг,
Только верьте, братья,
Будут и объяття,
И бокал мы примем из любимых рук!

ВРЕМЯ

Не время бежит, это люди
Придумали времени бег.
И я вам скажу без прелюдий:
Мы сами торопим свой век.

Нам всем приближение смерти
Отсчитывает циферблат,
И в этой крутой круговерти
Не ведомо, кто виноват.

Мы строим счастливые планы:
Родить, воспитать и женить;
Нам дальние цели желанны,
Они путеводная нить.

Несёмся в слепом торопленье,
К черте безвозвратной спеша,
Внушают попы без сомнений,
Что вечно живая душа.

Быть может, она и живая,
Хотя доказательства нет.
Мы время торопим, желая
Найти в конце жизни ответ.

Для смерти ж не время нужнее,
А наш от неё невозврат;
И в жизни не время важнее,
А дружба, общенье и лад.

ОТВЕТ ДРУГУ

С. Овчарову*

Не отсырел в пороховницах порох,
Ядрёности твой стих не потерял,
Давай же разберём рифмовок ворох,
Проконопатим стихотворный ял,

Чтоб плыть и плыть по волнам вдохновенья,
Как по родной для нас Ишим-реке,
Чтоб чувств и настроений дуновенье
Заритмовать смогли в любой строке.

Когда же ялик все же наш причалит,
Состарившись, присядем у крыльца
И с верным другом в немощной печали
Припомним, как шумели деревца.

Те деревца у нас – стихи и книги,
Слова и рифмы – ветви и листки,
Суки и ствол – сюжеты для интриги,
А корни – факт, что жили по-людски.

* Овчаров Сергей Григорьевич – тележурналист, издатель, автор программы «Деловые вести» на ТВ «Славия» в Великом Новгороде.

* * *

От боли физической, как эмбрион,
Сгибаемся в позу «калачик»,
Зубами сжимая болезненный стон:
От боли мужчина не плачет.

И всё ж иногда об утраченном боль
Горючими льётся слезами,
Когда для родных и любимых юдоль
Назначат на небе и в яме.

Нам близких потеря – страданье души
И в ней безысходности горечь.
И нас от бессилья в полночной тиши
Казнит угрызением совесть.

У боли телесной – терпенье цена,
Леченье и повод для шуток.
От раны душевной в висках седина
И муки во всё время шуток.

БЕЗ ОПТИМИЗМА

Уныние сдержать не в нашей власти,
И потому, по правде говоря,
Мне мысли навевают не о счастье
Суровые морозы января.

От холода душевного тоскливо
Бывает неизбежно иногда:
Необъяснимо и несправедливо,
Зачем теряем юных навсегда.

Не ноябрём живя, а тёплым маем,
Друзей и близких искренне любя,
Вдруг сверстников теряя, понимаем:
Теперь нам жить за них и за себя.

Дотла сгорают в нас года-поленья,
От них тепло не только нам одним.
Но вот уходит старших поколенья,
Тем самым намекая: мы – за ним.

Январь лютует, и февраль метелит,
И не желают ничего менять.
Лишь неизбежность просто всё разделит
На жизнь мою и ту, что без меня.

НА СМЕРТЬ МАТЕРИ ДРУГА

Ушла старушка – добрый человек,
Так лист осенний ветер вдаль уносит.
Пятнадцать лет – и был бы ровно век,
Никто об этом Бога не попросит.

Ушла тихонько, чтобы не узнал
Никто из тех, кто мог бы быть и рядом.
Экспресс ушел – осиротел вокзал,
Нельзя вернуть билет, да и не надо.

Ушла старушка – Бог живым судья.
Не образец она и не укор живущим.
О днях последних, трудных бытия
Поделится не с нами с всемогущим.

Ушла, и богу слава, что ушла,
Намучилась и настрадалась вволю.
Покой, быть может, и уют нашла,
И лучшую, но не земную долю.

Теперь свершения все позади.
Ты, как могла, семью свою хранила,
Но у оградки сыновей не жди:
Один далече, а другой не в силах.

Прости! Прощай! Жизнь прожита не зря,
Друзья детей, как надо, похоронят.
Так пусть же увяданье октября
На холмик лист прощальный свой уронит.

ПОСЛЕДНИЙ ПУТЬ ПОЭТА

В. Р. Гундареву*

Дорога терзает упрямыми вёрстами,
И двести тяжёлых уже позади.
Случайное вдруг совпадение, просто мы
«Груз двести» везём на печальном пути.

Наш взгляд в никуда, и мы будто бы роботы,
Не можем никак осознать и понять,
Что с нами в машине под крышкою гроба ты.
И ком не сглотнуть, и слезу не унять.

К тебе обращались мы просто по отчеству,
Ты нам доверялся, ответно любя,
Поэтому дружески, искренне хочется
Окликнуть, как в жизни, Романыч, тебя.

Но это мечты: ни веснушек черёмухи,
Ни солнца, одетого в яркий кармин,
Ему не видать, и кивают подсолнухи,
Свой взгляд посылая в последний помин.

Я вижу, как в ливне небесного толока,
Над дальней деревней в печали о нём
Не белым платочком июльское облако,
А траурной лентою туч окаём.

* Гундарев Владимир Романович (1944–2012) – поэт, публицист, редактор созданного им Казахстанского литературно-художественного журнала «Нива». Автор популярной песни «Деревенька моя».

А мы километры считаем жестокие,
И с нами в печали вдоль быстрых дорог
Стоят караулами сосны высокие,
Берёзы из веток сплетают венок.

Как всполохи дальних зарниц, осознание,
Что это природа-подруга сама
Пришла на прощальное с другом свидание,
И лента дороги как жизни кайма.

Она оборвётся с последними метрами,
И в землю опустят в безмолвии прах,
Но как облака дружат с вечными ветрами,
Так с нами останется жить он в стихах.

ШЕСТЕРИКОВУ*

Тихо на лугах, взгрустнули птицы,
 Дождь всплакнул – небесная вода,
 Что же вам теперь, Владимир, снится?..
 Спит поэт, умолкший навсегда.

Он не ждал признания от власти,
 Не любил чинуш и не был им.
 Катаклизмов социальных страсти
 Он не подпускал к стихам своим.

Предан был лесам, полям, озёрам,
 Творчеству, поэзии, стране,
 Всем «провинциально» милым взорам
 И своей возлюбленной – жене.

От природы ждал он вдохновенья –
 Основания словесных логарифм.
 Легкая, как ветра дуновенье,
 Муза приносила ворох рифм.

Щедро с ним делилась неба просинь,
 Белизной манила береста,
 Бескорыстно награждала осень
 «Орденom кленового листа».

* Шестериков Владимир Георгиевич (1939–2010) – поэт, журналист, создатель литературно-художественного журнала «Провинция».

Жаворонком он летал по небу,
Плыл под парусами облаков,
Где он только в мыслях своих не был,
Так освобождаясь от оков!

Всё! Умолк певец ковыльной степи,
Победитель немочи в себе.
Он достиг возвышенную степень –
В небе он! и в прожитой судьбе!

ПРОЩАЛЬНЫЙ СЕПТЕТ

А. Слухаевскому*

Сверкнув, как молния, пройдёт ланцет
По телу, усыплённому наркозом.
Замёрзнет сердце, словно от мороза.
Из горла стоном вырвется фальцет.

Из чётных роз положат в гроб букет,
Венок сплетут, слезою орошённый,
И, как давно уже вопрос решённый,
Исполнят похоронный этикет.

Повесят с лентой траурной портрет,
Наполнят воздух музыкой печальной,
И нас разделит горсть земли прощальной,
Оградки надмогильной парает.

Но в жизни, как ни странно, смерти нет –
Есть прекращение пути земного.
Мы ж обязательно получим снова
Из незабвенья дружеский привет.

Знакомый вдруг увидев силуэт,
Я вздрогну, что ошибся ненароком,
Об этом мысли я доверю строкам,
Слова сплетая в рифмах, как поэт.

* Слухаевский Александр Сергеевич (1950–2007) – педагог, создатель «Первого общеобразовательного лицея» в г. Петропавловске.

При появлении на божий свет
 Младенец плачет – радуются люди.
 Наоборот – покойный без прелюдий
 На слёзы улыбается в ответ.

Да будут жить ещё десятки лет
 Его дела, идеи и свершенья,
 Как меж людей людские отношенья,
 Как в песнях вечный о любви сюжет!

ТРАУРНЫЙ ПЛАТОЧЕК

Давно уже не покупал
 Я носовых платков.
 Всё потому, что ритуал,
 Обычай есть таков:
 На трапезе в помин души,
 От нас на высший суд
 Ушедшей, в траурной тиши
 Платок преподнесут.
 Когда подступит к горлу ком
 И потечёт слеза,
 Тогда подаренным платком
 Осушатся глаза.
 И вот опять они в слезах.
 И что ж это за век?
 Оставил нас, уйдя во прах,
 Хороший человек.
 Ещё не высох мой платок,
 Недавно данный мне.
 И вот опять... вина глоток,
 И больше слёз вдвойне.

С ТЕПЛОМ И СВЕТОМ

Мелькают дни, сплетаясь крепко в годы.
Они проходят брэнной чередой.
Как у реки необратимы воды,
Так неизбежно всё кончается бедой.

Она придёт и не укажет срока,
Врасплох застигнет, некого винить,
Таков каприз у жребия и рока,
Никто не в силах это изменить.

Но и отнять у нас никто не сможет
Ни дружбу, ни семью и ни дела,
Всё то, что всех наград порой дороже,
Что жизнь незавершённая дала.

Ведь ты на пустыки не трати нервы,
За что ни брался – делал хорошо,
Друг незабвенный, ты во всём был первый
И первым в неизведанность ушёл.

Всё далее с годами день кончины,
Когда прощались мы с тобой, скорбя.
Терзает душу горькая кручина –
Я привыкаю к жизни без тебя.

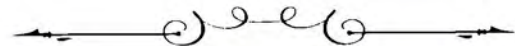
Но только знаю: всё же не привыкну –
Ты был, ты есть, ты жив в моей судьбе.
В день памяти я головою никну
С теплом и светом в мыслях о тебе.

ПАМЯТЬ О ДРУГЕ

Бредём по жизни, а куда идём?
 Пути господни неисповедимы.
 В конце черту последнюю найдём,
 За нею станем вечностью хранимы.

Черту переступил однажды друг,
 С тех пор я на судьбу свою обижен:
 Разорван ею дружеский наш круг.
 Теперь лишь память делает нас ближе.

Друг, уходя, оставил дежавю:
 Там, в прошлом, мы черту проходим мимо.
 Я друга помню – значит я живу.
 Пока я помню – друг со мной... незримо.

СОЛДАТСКИЕ МОНОЛОГИ

* * *

Я, пройдя Мировую, остался в живых.
Это чудо понять не могу.
Но убитых товарищей – сколько же их! –
В своей памяти я берегу.

Всех вас помню, кто вдруг на поверке ночной
Старшине не откликнулся «здесь»,
Кто остался на дне переправы речной,
Кто не выжил, израненный весь.

Не забыть мне позора, когда оставлял
Прикрывающих нашим отход.
Обещал я вернуться, а полк отступал,
Отступал не на день, не на год.

И когда хоронить приходилось бойцов,
Повторял имена наизусть,
Они, в памяти выстроив сотни столбцов,
До сих пор мне военная грусть.

Навсегда молодых вижу как наяву,
В моём сердце никто не забудь.
Эту долгую-долгую жизнь я живу
За других, кто на фронте убит.

* * *

Рио-рита, рио-рита,
Вертится фокстрот,
На площадке танцевальной
Сорок первый год.

Геннадий Шналиков

Мы, товарищ Ворошилов,
Меткие стрелки.
Если партия решила,
Развернём полки.

Халхин-Гол, Хасан, Гранада,
Финская война.
Если надо, значит надо –
Армия сильна.

Нашим флагам всюду виться.
Сталью – не дубьём –
Мы во вражеской столице
Недруга добьём.

Мы орлами в небе чистом
Пролетать хотим.
Нас готовит бить фашистов
Осоавиахим.

Не прощаюсь я с любимой:
Вскорости вернусь.

Пролетают пули мимо –
Их боится трус.

В новостройках очень юный
Городок родной.
Двадцать первое июня,
Завтра выходной.

Я превращаюсь в слух во время артобстрела,
Ловлю малейший звук, оттенки различив:
Вот гаубиц снаряд, вот мина пролетела,
От этого мой друг сегодня молчалив.

От рёва канонад, разрывов бомб немею;
Осколков слыша свист, от страха я молчу;
И голову поднять и глаз открыть не смея,
Чтоб не контузило, открывши рот, мычу.

Всё сожжено в огне, пришла пора и наша.
Я заклинаю жизнь, и бога я молю,
Чтоб минула меня сия мирская чаша,
Ведь дома мама ждёт – я так её люблю.

Вдруг тишина, и крик комбата хриплый:
«Живы?»
Закончен артобстрел, фашистам вопреки
Не стали мы ещё стерней смертельной нивы,
С гранатами сидим, к стволам примкнув
штыки.

Нам некогда земле предать друзей останки.
В ушах уже гудит стальных моторов вой.
Мне слышен траков лязг, ползут с крестами
танки,
И не уверен я, останусь ли живой.

* * *

Аты-баты, мы солдаты.
Жгут мозоли от лопаты.
В обороне мы копаем.
В отступлении шагаем
Сотни, сотни километров.
Губы треснули от ветра.
Заночуем, где придется,
И опять дорога вьётся.
Так сто тридцать лет назад
Русский отступал солдат.
Как тогда, мы поневоле
Ждём сраженья в чистом поле.
Как тогда, не будет краха.
Нет ни паники, ни страха.
Но за то, что Сам растерян,
Павлов^{*}, генерал, расстрелян.
Слава богу, ёлы-палы,
Мы с тобой не генералы.

^{*} Павлов Дмитрий Григорьевич (1897–1941), генерал армии, Герой Советского Союза. В первые дни войны командовал Западным фронтом. 4 июля 1941 года по приказу Сталина был арестован, судим и 22 июля расстрелян.

* * *

Признаюсь, атак бестолковых
Страшной не видал я пока:
В боях от дивизий стрелковых
Осталось не больше полка.

Кто ранен, лежит без сознания,
Кто в братской могиле остыл,
И на доукомплектованье
Остатки отправлены в тыл.

Счастливое время резерва,
Когда формируется часть.
Свободно, спокойно, без нервов
Проходят недели – не час.

Пока подвезут пополненье,
Заменят командный состав,
Забудем про страх наступленья,
До одури учим устав.

Землянки неспешно копаем,
В них долго придётся нам жить,
И в город смотаться мечтаем:
С девчонками б там задружить.

Принявши спиртного из кружки,
Гвардейскую честь отстоим,

Когда городские подружки
Одарят вниманьем своим.

А завтра до блеска винтовку
Заставит тереть старшина,
И выдаст с наказом обновку:
«Ребята, в ней смерть не страшна».

На фронт. В наступленье. Под пули
Из дзотовых вражьих глазниц.
И многие в поле «уснули».
Опять мы – кто навзничь, кто ниц.

И снова уйдёт утром ранним,
Наш полк, никого не виня,
На новое формирование
Возможно, уйдёт без меня.

Нет, всё не так историки опишут,
Но мы на них потом не наорём,
Им в будущем легко, а ты сидишь тут
Под тусклым трехлинейным фонарём.

Коптит фитиль, дежурного позвать бы.
Рука болит, мозги в башке трещат,
Как говорится, заживёт до свадьбы.
(Какой там свадьбы, дважды ведь женат.)

«Дежурный, спишь?.. Чайку налей с лимоном.
Фитиль смени, такую бога мать».
Начдива днём назвал в сердцах шпионом,
По морде врезал, мог и расстрелять.

Перечить вздумал, этакая сволочь.
Пусть под арестом посидит денёк.
Да чёрт с ним, с паникёром. Скоро полночь.
Ну, вот и в лампе ровный огонёк.

Я стрелками атаку обозначу,
На карте их по флангам разведу.
Всё будет, как скажу и не иначе.
Кто возразит – накликает беду.

И пусть штабные быстро насчитают
Десятки тысяч танков и стволов,

Резервный фронт из ставки подключают
И миллион обстриженных голов.

Я – маршал, я – стратег, вы мне поверьте:
Не скрыться за намереньем благим;
Я знаю: на войне нельзя без смерти –
Одни погибнут, чтобы жить другим.

И пусть меня историки осудят,
Вначале наградив и вознеся,
Всё – впереди. Да наплевать на судей.
Мне – сорок восемь. Жизнь ещё не вся.

Бескорыстный военный трудяга,
Выручавший в походах не раз.
Трёхколесной породы коняга,
Многokrратно менявший окрас:
То по осени бурый «савраска»,
То «серко», полинявший зимой,
То весной под зеленою краской,
А то в «хаки» раскрашенный мной.
Незаметно за фронт, и по-дерзки
Разрушали фашистский мы тыл.
Потому-то и званья «Гвардейский»
Батальон удостоен наш был.
И удар нанося безответный,
Наряду с пулемётной стрельбой,
Мы оставили мотоциклетный
След во вражеских душах с тобой.
Но мне более память тревожит
Поцелуй на губах ввечеру.
В день, когда, на пилота похожий,
Я промчал с ветерком медсестру.
Оботру от седла и до спицы
С благодарностью мотокопя,
Дам бензина досыта напиться.
Обниму – он почти мне родня.
Понимает меня он, как брата,
(Закалил нас смертельный огонь)
И, как я, весь изранен, залатан
Мой товарищ, железный мой конь.

* * *

Иду по тропке узенькой
 я утром в караул.
 Заинеивший кúржевнем,
 лес будто прикорнул.
 Не голые и серые –
 пушистые стоят
 Деревья, приодетые
 в серебряный наряд.

Слепя холодным пламенем,
 искрится синева,
 От воздуха морозного
 кружится голова.
 Глаза от света щурятся,
 и радостно в груди,
 Что самое хорошее
 свершится впереди.

Разрушил сказку снежную
 летающей мины свист,
 И от разрыва в воздухе
 блестящий дождь завис.
 Последнее, что помню я:
 сверкая, как рубин,
 На тонких ветках каплями
 застыла кровь рябин.

На себе я должна осторожно
Неходячих к санбату нести,
Даже если пойму: невозможно
Никакой медициной спасти.
Их бинтую и кровь вытираю,
Видеть муки бывает невмочь,
Но чем ближе к переднему краю,
Тем быстрее смогу им помочь.
Слава богу, что полк наступает,
Всех, кто в поле лежит, мы найдём,
В медсанбат, и хирург их спасает,
Оперируя ночью и днём.
Врач распишет всем тяжесть раненья:
Кого будем лечить – не умрёт,
Кому в тыл, а кому погребенье.
Полк в прорыве, и мы с ним вперёд.
А бывает, что с «Юнкерса» летчик,
Безнаказанно в небе кичась,
Очень подло фашистский молодчик
Бомбы выбросит на медсанчасть.
И бойца, от осколков спасая,
(Он же ранен), закрою собой.
Это истина, в общем, простая –
Так поступит на фронте любой.
Ведь не зря меж солдат говорится:
«Вместо дома родной медсанбат».
Здесь любому я просто сестрица,
И мне каждый из раненых брат.

* * *

Плачут, плачут, плачут
 По весне берёзы.
 Плачут – это значит:
 Кончились морозы.
 Из берёсты рваной
 Сок течёт ручьями,
 На стволиных ранах
 Пенясь под лучами.
 В роще белоствольной
 Все в слезах дерева –
 Это им так больно,
 Объясню теперь я,
 Потому что ночью
 Здесь рвались снаряды,
 Разрывая в клочья
 Белые наряды.
 Раненый жестоко,
 Плачет лес от битвы,
 Разбавляя соком
 Кровь бойцов убитых.
 Я прильну к берёзке,
 Милой и несчастной:
 «Матерью нам крёстной
 Смерть был напрасно.
 Что ж, поплачь немного
 После сечи бранной.
 Время, нам подмога,
 Зарубцует раны».

Спросонья, ещё до рассвета,
Не брит, с неумытым лицом,
Минуя с паролем секрету,
Шагаю с дежурным бойцом.

Речная прохлада всё ближе,
Широкий неспешный поток,
С высокого берега вижу,
Как брезжится алым восток.

Но зарево это – не взрывов,
И блеск на волнах – не штыков,
Просторы я вижу с обрыва
И отсвет в воде облаков.

Полей обниму я пространство,
И сердце укором кольнёт,
Что третий уж год не крестьянство –
Война засекает и жнёт.

Объятый рыбацкою страстью,
С обрыва спускаясь к реке,
Ведёрко пустое и снасти
Держу я покрепче в руке.

Чутьём, без каких-либо правил,
Наметил приют рыбака,

Дежурного к штабу отправил:
«Запомнил? Свободен пока».

И первый, как будто неловко,
Замах, и бросок недалёк:
Опробовать, как тут поклёвка,
Поближе – видней поплавок.

Волнение с прохладой, сливаясь,
Рождают невольную дрожь.
Нырок поплавка и, плескаясь,
Трепещет на воздухе ёрш.

Теперь, разогретая кровью,
Азартом пылает душа,
В ведро отпускаю с любовью
Дрожащей рукою ерша.

«Ну что же, с почином!» – и снова
В воде поплавок, и глаза
Едины с рукой рыболова,
Как с небом реки бирюза.

И время летит, словно птица,
Гражданской свободой маня.
Но прежде чем солнцу явиться,
Боец окликает меня:

«Товарищ комбат, всем сниматься
И с марша в атаку! Приказ!»
Эх, жаль, но пора собираться,
Случалось такое не раз.

Прощаюсь я с пойманной рыбой,
Пора из ведра отпускать:
«Плыви же по Припяти, ибо
Сегодня ухе не бывать!»

Ну вот, распустил что-то нюни?
Моторы готовы в поход!
Вновь двадцать второе июня,
Но сорок четвёртый уж год.

Не от холода дрожь под шинелью.
От отчаянья плачу навзрыд.
Ты в лесу под развесистой елью
Будешь в братской могиле зарыт.

Ты прости меня, верный товарищ,
Предназначено, видно, судьбой
Не иметь нам совместных пристанищ
Ни по жизни, ни в смерти с тобой.

Ты не просто мне другом был – братом.
Жизнь делили с тобой на двоих.
А теперь ты ушёл без возврата,
Успокоенный смертью, затих.

Я помочь тебе больше не в силе.
Для тебя навсегда, без конца
Будут братьями в общей могиле
Тридцать два из пехоты бойца.

Обещаю: одержим победу,
Как закончим с фашистами бой,
Я тебя попроведать приеду,
Если раньше не встречу с тобой.

На прощание кланяюсь низко.
Это горе вовек не избыть,
И могилы под елью австрийской
Никогда мне теперь не забыть.

Есть реликвия нашего дома –
Треугольником свёрнутый лист.
Здесь мне каждая строчка знакома,
Их писал фронтовой оптимист.
«Пусть морозы – они для здоровья,
Много снега – так жди урожай,
И кладём мы себе в изголовье
Те поленья, что выбросить жаль».
И ни слова о битвах, о крови,
О раненьях, о том, что болит.
А в тылу чтоб не хмурили брови,
Домочадцев своих веселит.
«Как там братик? Чтоб слушался мамку,
Вот вернусь, так возьмусь за ремень.
Помнишь, батя, как мы спозаранку
Косы – в руки, картуз – набекрень».
Карандашик химический, видно,
Согревает губами боец,
Чтобы не было дома обидно,
Что невнятно написан конец.
«До свиданья, любимые. Жмите
Руку тем, кто меня не забыл.
Всем здоровья и веры. Пишите.
Надо знать нам, что прочен наш тыл».
Тот листочек храню я священно,
Память давней судьбы огневой,
А ещё берегу извещенье,
Что мой дядя погиб под Москвой.

* * *

Когда гляжу на молодых бойцов,
Я вижу матерей их в страшном горе.
Не пережить сынам своих отцов,
Быть под землёю суждено им вскоре.

Они лежат, как листья в листопад,
Уже отжившие, перед траншеей с краю.
Считает их в последний раз комбат,
Я им глаза с прискорбьем закрываю.

Войне постылой скоро уж конец,
Мы под Берлином, и победа рядом.
Но не обстрелянный ещё юнец
В атаке первой же сражён снарядом.

Призыв последний! Жаль мне вас до слёз!
О, сколько я захоронил пехоты
И сколько вырезал для памятников звёзд,
Седой солдат из похоронной роты!

* * *

Совершенно случайно осталась
Пожелтевшая папка с войны.
Это только лишь самая малость
Из листов, что сгореть бы должны.

В ней лежат недошедшие письма,
Тыловик их писал и солдат.
Среди строк много путаных истин,
Не узнает о них адресат.

Вот, к примеру, пушкарь с батареи
Сообщает зачем-то домой,
Что шинель его вовсе не греет,
Он поэтому часто больной,

Мол, снарядов в бою не хватает,
Комиссар кроет матом бойца,
Орудийный расчёт быстро тает,
Отступленью не видно конца.

Дурь в башке или дырка сквозная?
В общем, всё пораженческий бред,
А отправить в дивизию – знаю:
Нет глупца – и проблем тоже нет.

Или вот из глубокого тыла
Пишет глупая баба одна:

«Когда досыта ели – забыла,
Ждём, скорей наступила б весна».

Ну, к чему знать на фронте солдату,
Что в селе голодает родня.
Это ж помощь врагу для плаката,
Вот такая в письме болтовня.

Допустить я не мог разложенья
Ни в умах фронтовых, ни в тылу,
Потому и сжигал без сомненья,
Превращая те мысли в золу.

Полковой особист, перлюстратор,
Я – хранитель партийных идей.
Для меня политический фактор
Был дороже, чем письма людей.

* * *

Я оглох от настигшей меня тишины.
Ощущенье такое, как будто контужен.
Третий месяц всего-то живём без войны,
Но теперь без неё никому я не нужен.

Подчистую уволен солдат рядовой
И направлен в запас на родную сторонку.
Только ноги меня не торопят домой:
Я из тыла давно получил «похоронку».

Всё проходит, как должно, своим чередом.
Моя злость закалилась в атаках на фронте.
Я врагу отомстил за поруганный дом.
А вот сердце болит – только тему затроньте.

Не смогу я из памяти горе стереть,
Ведь не будет семьи ни вокруг и ни возле.
Жизнь была до войны, на войне была смерть,
Ну а что же теперь у меня будет после?

* * *

Я не знал, что такое «бояться»,
И без страха в атаки ходил,
А теперь от земли оторваться
Не хватает ни воли, ни сил.

Между жизнью и смертью на грани
Вспоминаю судьбину мою:
Две контузии, трижды был ранен,
И не праздновал труса в бою.

А теперь ноги словно из ваты,
Деревянные руки до плеч.
Я могу, без вины виноватый,
Навсегда в этом городе лечь.

Свисту пуль и осколков внимая,
Исполняю приказ: «Прагу – брать!»
Сорок пятый. Девятое мая.
Неужели сейчас умирать?..

ВETERАН КАВАЛЕРИИ

Пусть артиллерия и бог войны,
Я с этим не могу не согласиться,
А мне который год со стороны
Кавалерийская атака снится.

Война моторов, стали, бомб и мин...
Нет места лошадям среди металла.
Но в памяти военной мы храним,
Как меж фронтами конница летала.

Ведь так же, как в былые времена,
Урон немалый немцам наносила
Лихая конная дивизия, она
Хоть лошадиная, но всё же сила.

Да, против танков трудно нам с конём,
От самолетов с ним укрыться сложно,
Но в тыл противника зайти рискнём,
Туда проникнув скрытно, осторожно.

А кто орудия на линию огня
Подтянет тихо? Лошадь, не иначе,
И кашевару трудно без коня
К бойцам доставить провиант горячий.

О том, о чем мне память дорога,
Напомню я, хотя и не оратор,

Как в хвост и в гриву разносил врага
Кавалерийский генерал Доватор.

Как за прорывом танков рысаки
Фашистов накрывали лавой или
Как гнали их к Берлину казаки
И в Эльбе лошадей своих поили.

Еще я знаю, как рыдает конь,
Теряя друга, всадника лихого,
Как теребит хозяину ладонь,
Чтоб друг похлопал по загривку снова.

И душу бередят коня глаза
Того, что, умирая, смотрит в небо.
Убит мой конь, бежит моя слеза:
Я с ним судьбу делил и корку хлеба...

Вот сам на сам уже в который раз,
Приняв на грудь наркомовскую норму,
Для внуков и детей веду рассказ
Про лошадей, надев казачью форму.

Обидно мне: за что упразднена
Из жизни кавалерия родная.
Грущу я, надевая ордена
И шашку именную натирая.

Теперь усопшим ставят на могилах,
Всё чаще православный крест резной.
А мне, пока я попросить вас в силах,
Надгробие устройте со звездой.
Родной, пятиконечной, темно-красной,
Как на пилотке, каске фронтовой,
Её на службе вовсе не напрасно
Носил и офицер, и рядовой.
Звезда бойцам любой гвардейской части
Как знак отличия на грудь была дана.
Её носить считали мы за счастье,
И звёздами гордилась вся страна.
Мы с ней прошли сквозь гибельное пламя,
Идя за командиром в смертный бой.
И со звездой прострелянное знамя
Мы не забудем никогда с тобой.
Отречься от звезды – предать убитых:
Страшнее не придумаешь позор.
Ведь пять концов звезды, венком увитых,
Мне душу согревают до сих пор.
Надев на китель орден Славы звёздный,
Скажу себе: давай, дед, не хромай –
И выйду на парад я в праздник слёзный,
В последний раз встречать победный май.
Со смертью разминулся в жизни ратной –
Когда ж уйду в тот мир, где вечно спят,
Мне под звездою напишите кратко:
«Советский здесь покоится солдат».

ПРОПАВШИЙ БЕЗ ВЕСТИ

Ночью звёзды мерцают беспечно,
 Днём весёлые птахи поют.
 Неужели пропал я навечно,
 Не найдя свой последний приют.

Документов всего лишь повестка
 С извещеньем: пропал навсегда.
 Знает только берёза невестка,
 Где провёл я все эти года.

Нас за Родину здесь положили,
 Так назначено злою судьбой.
 Вы счастливо, старея, прожили,
 А я буду всегда молодой.

Не настало ещё, видно, время,
 И могила не вырыта мне.
 Только верю, что новое племя
 Долг исполнит достойно вполне.

Ведь найдёте меня, вы найдёте,
 И разделите прах и металл,
 И в гробу на погост отнесёте,
 Я в болоте об этом мечтал.

ОБМУНДИРОВАНИЕ

В соавторстве с В.Г. Верстаковым

Было так: не видать ни зги,
Я блуждал по родной Вселенной,
Но вели меня сапоги,
Скороходы мои тяжеленные.

Сапоги, вы мои сапоги...
По сугробам, песку и болоту
Возвращали меня сапоги
С полигона и стрельбища в роту.

А когда задымит апрель
Снежной заметью, ветром резким, –
Укрывает меня шинель
Плотно, преданно, по-армейски.

Ах, шинель, ты моя шинель...
Не страшны мне с тобою были
Ни пурга, ни весны капель,
Ни мороз, ни ветра любые.

Если солнце нещадно жжёт,
Не беда! – ведь в хлопчатобумажном
Ни жара меня не берёт,
Ни почти стопроцентная влажность.

Под ремнем гимнастёрка моя...
Полиняла давно уж от пота.
Надоела, – скажу, не тая,
Но расстаться с тобой не охота.

Словно в сказке хранят меня
Безыскусные вещи эти
От мороза, воды, огня,
От потерянности на свете.

РАМУШЕВСКИЙ КОРИДОР

На основе стихотворения
И. С. Юдина.

Изо всех щелей и нор
Автоматы бьют в упор.
«Рамушевский коридор»
Не для наших.
Сквозь оптический прибор
Смерть в тебя вперяет взор,
Лучше б с немцем разговор
Рукопашный.

Стужа, чёрт её дери,
И снаружи, и внутри.
Ледяные сухари
В липкой жиже.
И земля вокруг дрожит,
Её будто бы знобит.
Кто покуда не убит –
Значит, выжил.

Ни тропинки, ни дорог.
Лес, взведённый, как курок.
Каждый куст и бугорок
Здесь пристрелян.
Бомба, мина и снаряд
Здесь ложатся ровно в ряд,
И осколками гранат
Мир засеян.

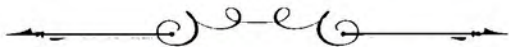
Пуль трассирующих след
И прибитый к небу свет

Ослепительных ракет
 Над болотом.
 До врага недалеко,
 Но в трясине глубоко,
 Там три взвода полегло
 Первой роты.

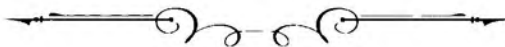
Что здесь может человек?
 То ползёт, то снова в бег.
 То спешит зарыться в снег.
 «Ах, вы суки!»
 Вот лежит в снегу браток,
 Ему миной ноги в клоч.
 А мне пуля бы в висок,
 Чтоб без муки.

Припасал махорку впрок.
 Скрыв от ветра огонек,
 Затянуться бы разок
 Перед смертью.
 А потом, случится ли,
 Пусть от дома и в дали
 Вы клочок родной земли
 Мне отмерьте.

Шли в атаку на убой,
 Командир вёл за собой,
 Наблюдал бы этот бой
 Из бинокля.
 Перед взором до сих пор
 Обгорелый чёрный бор.
 «Рамушевский коридор»,
 Будь ты проклят!

ИЗОПОЭЗИЯ

«Яблоко». Масло, картон. Худ. А. Бургаев.

НАДКУШЕННЫЙ ПЛОД

В умиление поверхность картона
Страстно лижет влюбленная кисть,
Чтобы в лёгких мазках полутона
Светотенями переплестись.

Разрывается образ вселенной,
Силы нет, чтобы взгляд отвести.
Мысль о символах вечных нетленна,
Как и звезды на Млечном пути.

Кто-то тайною всех искушает,
Кто-то с древа познания крадёт,
Кто-то яблоко первым кусает,
А кому-то надкушенный плод.

«Золотая баба». Масло, картон. Худ. А. Бургаев.

БАБА ЗОЛОТАЯ

Этот мир, насквозь полярный.
Вечно неразлучны в нём
Друг сердечный – враг коварный,
Словно это дым с огнём.

Зло – добро, разлука – встреча,
Левой-правой – для ходьбы,
То повдоль, то поперечны
Линии людской судьбы.

Где-то спрятана надёжно
Золотая Баба так,
Чтобы было невозможно
Разыскать ее никак.

Ищут символ Тьмы и Света
В безнадёжности найти.
Есть вопросы – нет ответа
У искателей в пути.

Может, истина простая
Скрыта временем пока –
Ищет Баба Золотая
Золотого Мужика.

«Кайлас». Масло, картон. Худ. А. Бургаев.

ГОРА КАЙЛАС

Грустит альпинист с Эвереста,
Над всеми поднявшись на миг,
Что есть еще в мире то место,
Куда человек не проник.

Достигнуть его с мироздания
Не смог ни один скалолаз.
Хранит непорочность создания
Седой недоступный Кайлас*.

Скалистые ль горы, лощины,
Глубокие впадины ли –
Всё это сплошные морщины
Премудро молчащей Земли.

Хранит она вечные тайны
В неведомых высях святых,
В безмолвии далее бескрайних,
В бездонных пучинах морских.

И притча совсем не напрасно
Людей будоражит давно:
«Достигшему пика Кайласа
И выше взойти суждено».

* Кайлас – непокорённая вершина Тибета.

«Маски». Масло, картон. Худ. А. Бургаев

ЛИЧИНА. ЛИК. ЛИЦО.

Пугает зря людей порою
Безмолвный черепа оскал,
Ведь ничего в себе не скроет
Глазниц безжизненный провал.

Иначе всё у человека.
Он за улыбкой роковой
Скрывает мерзости извека,
Маня надеждою живой.

Неравнозначны величины:
Луч света и сверкнувший блик,
К лицу приросшая личина –
Застывший в маске светлый лик.

Был человек судьбой унижен
Быть праведным и подлецом.
Всю жизнь он в поиске: что ближе –
Личина, маска, лик, лицо?

«Три свечи». Масло, картон. Худ. А. Бургаев

* * *

Мы горим, как свеча,
Пока в нас горяча
И пылает энергия страсти.
Колыхнётся фитиль,
И тогда мирный штиль
Возмутится тенями напастей.

И погаснет огонь,
Если чья-то ладонь
От невзгод не прикроет и ветров.
И окажемся мы
В окружении тьмы
Сотрясающих нас эпицентров.

А что будет потом?
Жизни нашей фантом.
Всё уйдет в никуда постепенно.
Так живи этим днём
И пылай в нём огнём,
Только искренне и полноценно.

Древний город Аркаим. Художественная реконструкция

АРКАИМ

У журчанья ручья песня вечно одна
И на всех языках неизменна,
А у шелеста трав в пике знойного дня
Унисон с камышом непременно.

Это кажется мне, или было всё так
В отдалении тысячелетий:
Слушал пенье полей горожанин-простак
И просторы рассматривал эти.

Ведь всё тот же рассвет над холмами степей,
Облака проплывают бездомно.
Тишь и зеркало вод, если хочешь, испей
Из небес в отраженьё бездомном.

Не в далёкой земле, а вот именно здесь
Городище степное окрепло,
И «страны городов» доказательство есть –
Аркаим воскресает из пепла.

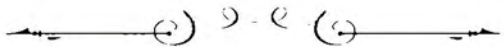

Весна в Петербурге. Фото из интернета

ВЕСНА В ПИТЕРЕ

Воздух ядрёный прозрачен и звонок,
Город в предчувствиях ласков и строг.
Дождь, ополаскивай зелень газонов,
Ливень, отстирывай ленты дорог!

Окна сверкают из лужицы талой,
Верба цветеньем своим смущена,
Льдины, плывущие в реках устало...
В Питер неброско явилась весна.

ПЕСНИ

НЕ ЗАМЁРЗЛА БЫ ДУША

Когда задышат холодом ветра,
Когда придут снега дождям на смену,
Тогда почувствует сердце перемену,
Наступит поздней осени пора.

Припев:

Нет, не страшимся мы судьбы угроз,
И пусть лютует на дворе мороз.
Согреем руки, нежностью дыша,
Вот только не замёрзла бы душа.

Прозрачный лес откроет горизонт,
Быть может, там, и обитает вечность,
И как не грустно, жизни скоротечность
Начнёт свой завершающий сезон.

Припев:

Зима – совсем не повод для хандры,
Ведь даже если б жизнь прошла иначе,
Куда бы делись боль и неудачи,
Они б дождались до своей поры.

Припев:

ВСЁ ЭТО ТЕБЕ

Всё реже глядим в глаза,
А где же страстей гроза?
Всё ниже взор в суету.
Взгляни же на красоту.

На деревьях зимних
Кружево с утра,
Это в искрах синих
Веток мишура.
Серебристый иней,
Вздвогнув, полетит
И в снежинном ливне
Танцы закружит.

Этюдный пленэр зимы
Увидим с тобою мы.
Быть может, и неспроста
Поможет нам красота.

Снегири, сняв пробы,
С кисточек рябин,
Брызнули в сугробы
Ягодный рубин,
Словно расплескали
На холсте снегов
По горизонтали
Краски жемчугов.

Листаю страницы лет,
Растаял былого след.
И что же взамен годам,
Итожа, тебе отдам?

Золото заката,
Снега серебро,
Изо льда агаты,
Облако-перо,
Изумруды елей,
Аметист небес,
Песни свиристелей –
Всё это тебе.

ПЕРЕД ПРОЩАНИЕМ

Вот и пришло всё то, о чем мечталось.
Как хорошо с плеч отряхнуть усталость.
Вот и прошло школьное ваше детство,
Но никуда вам от него не деться.

Припев:

И наступает минута прощания.
Сам виноват: торопился к нему.
Ты написать не давай обещания,
Ты приезжай, я тебя обниму.

«Как хороши, как были розы свежи».
Ты их дарил, старше чем был, тем реже.
Но не забудь тех, кто был долго рядом
И тебе в путь знанья давал в награду.

Припев:

Есть много дел, где ждёт успех и слава,
Ты ведь хотел быть в жизни лучшим самым.
Пусть же всегда дуют ветра удачи.
Плачь иногда: в жизни нельзя иначе.

Припев:

НА ВЫПУСКНОЙ БАЛ

Все девчонки краше,
 А мальчишки старше
 Стали за короткий этот день.
 Но попутно детство,
 Если приглядеться,
 Следует за каждым, словно тень.

Припев:

Звенит звонок, но не для нас,
 Не к нам учитель входит в класс.
 Сегодня мы ученики
 В последний раз, в последний раз.

Так же, как обнову,
 Бала выпускного
 Мы с тобой не уставали ждать,
 Но без сновиденья,
 Как одно мгновенье,
 Ночь промчится, нам не удержать.

Припев:

Слёзы расставанья,
 Как в любви признанья,
 Пусть прольются в этот выпускной.
 Как стихи поэта,
 Сохраним об этом
 Все минуты в сердце до одной.

ДРУЗЬЯМ

Мне от друзей давно не носит почта писем,
А я их жду, как долгожданных ждут гостей,
Ведь я от мнения друзей своих зависим
И жду от них, как прежде, новостей.

Припев:

О, как живительна прохлада
Озёрной сини в знойный день!
Так мне общение – услада
В кругу любимых и друзей.

Как семена разносит ветер по планете,
Вот так и мы судьбою врозь разнесены,
Но продолженьем нашим радуют нас дети,
И дружбе мы по-прежнему верны.

Припев:

Чем реже видимся, приятнее тем встречи,
И пусть иные не вернутся никогда,
Но всех живых я приобнять хочу за плечи
И вспомнить нашей юности года.

Припев:

КАЗАЧЬЯ ПОХОДНАЯ

Степь – раздолье казаку,
Ветер – вольный друг.
Песня любя седоку
Под копытный стук.
Уводя в поход коня, верю я в одно,
Что вернусь к себе домой, к любишке родной.

Припев:

Гей, сарынь на кичку, гей! Шашки наголо!
Кто головушку сложил, знать, не повезло!

Любы мне нагайки свист,
Блеск и звон клинка,
А в пожатии мужском
Крепкая рука.
И не будь, любимая, ты ко мне строга,
Знаешь: страху места нет в сердце казака.

Припев:

Вроде кровью прикипел
К жизни боевой,
А соловушка запел,
Хочется домой.
Это только с виду я грозен, как паша,
А в груди у казака – нежная душа.

Припев:

ДОРОЖНАЯ

Не могу находиться на месте подолгу,
И в походные дали ноги сами несут.
Моё счастье в движенье, не лукавлю, ей-богу!
Я с друзьями съел соли не один уже пуд.

Припев:

Ты накорми костёр дровами,
Туман раздвинь своей рукой.
В движенье жизнь, мы знаем с вами,
А в недвиженье – тоска, покой,

Если будет тоскливо в прохладе тумана,
В то, что солнце проглянет, без отчаянья верь.
Ощути откровенье седого обмана:
В жизни много находок и немало потерь.

Припев:

И куда б не вела нас по жизни кривая,
И куда б не носило в пространстве судеб,
Каждый раз для себя новый путь открывая,
Будь от малого счастлив, имея на хлеб.

Припев:

Предаваться унынью грешно, не пристало –
Не устану об этом, друзья, повторять.
Лучше бодрые будни, чем праздник усталый;
Лучше медленно ехать, чем резво стоять.

КУРОРТНЫЙ РОМАН

Акаций дурман,
И рассветный туман.
Рук нежное прикосновенье.
Курортный роман –
Лишь счастливый обман,
Случайный полёт откровенья.

Припев:

Бегущие волны волнуют сердца.
Наступит прощание вскоре.
Нежданная встреча – начало конца,
Солёные слезы, как море.

Не знали вчера
И сегодня утра,
Что вечером будет свиданье.
Такая игра,
И ещё не пора,
Слова находить в оправданье.

Припев:

В тени под зонтом
В убежденье святом
Мы в море кидали монеты:
Вернуть бы потом
Плеск волны за бортом
И наше курортное лето.

В РАЗОРВАННОЙ ТИШИ

С волненьем голос проникал
В гитарный перезвон!
Они, направленные в зал,
Звучали в унисон.

Я пел, и словно из души,
А вовсе не из уст,
Слова в разорванной тиши
Сплетали рифм союз.

Нет, не изменит мне струна,
Колки не подведут.
Мне эта жизнь была дана,
Для песенных минут,

Для самых близких – для семьи,
Для мамы, для детей,
Для вас, любимые мои,
Для доброй дружбы дней.

Не подведи, мой верный стих,
Звени струна в крови,
Пока мой голос не затих
Для песен о любви.

ОБНЯВШИСЬ, ПОМОЛЧИМ

Земля на тучи не в обиде,
Они объятия небес
И молча при своём суровом виде
К земле имеют нежный интерес.

Припев:

К чему ронять слова,
Их разнесёт молва,
Быть может, мы друг друга не поймём.
Ты руки протяни,
В глаза мои взгляни,
Обнявшись, помолчим вдвоём.

А солнце светит днём и ночью,
Работает, пока мы спим,
И молча, нас ласкает, между прочим,
Мы все в его объятьях, как один.

Припев:

В минуты долгожданной встречи
О многом хочется сказать,
Но стоит лишь обнять любимой плечи –
И можно с милой просто помолчать.

Припев:

ОСЕННИЙ ВАЛЬС

Облака целуют небо, загляделась осень,
От смущения осинки покраснели вдруг.
Открывается площадка в нашем парке
в восемь,
И весёлая танцуешь ты среди подруг.

Припев:

В вальсе кружатся листья и ветер,
В парке осеннем я тебя встретил,
Ты улыбнулась в танце летящем.
Всё это в прошлом, не в настоящем.

Я брожу, шурша листвою, по цветной аллее.
Лист опавший вспоминает жизнь в ветвях
свою.
Не поможет, видно, осень быть мне посмелее.
У площадки танцевальной робко я стою.

Припев:

Много с той поры бывало в жизни листопадов,
Облака не перестали небо целовать.
Знала только той площадки старая ограда:
Не умел я, к сожаленью, вальсы танцевать.

Припев:

ПЕСНЯ МЕЧТАТЕЛЯ

Мы в детстве во сне летали,
И снились нам острова:
На Кипре, потом в Италии
Мечтали мы побывать.

Припев:

Плывите облака по небу,
Скажите, где пока я не был,
Что следом прилечу я птицей.
А может, это мне лишь снится.

Как быстро мы стали старше
Работа, дела, семья.
Но с детской мечтою нашей
Не расстанусь я, мои друзья.

Припев:

Вот дети уже летают
За море, на острова,
И внуки теперь мечтают
Со мною там побывать.

Припев:

Не смотрите свысока
На мечтанья чудака.
Ведь пока жива мечта,
Жизнь ещё не прожита.

Припев:

ПОГОНЯ ЗА СУДЬБОЙ

Нежная пушинка снежная
На щеку слезой легла.
Отчего судьбина прежняя
Колет сердце, как игла?

Припев:

Недолюбил, наверно, недопонял
Не достучался, недоговорил.
Так и промчалась за судьбой погоня
Тот не догнал, кто был бескрыл.

Вечная дорога млечная
Пролегла по небесам.
В том, что жизнь не безупречная
Виноват, как видно, сам.

Припев:

Нежная пушинка снежная
На щеку легла слезой.
Почему-то жизнь небрежная
Пронеслась пустой грозой.

Припев:

ПЫЛАЙ, МОЯ ГИТАРА

Сплетаюсь в ритме,
 Сливаясь в рифме,
 В стихах рождают образы слова.
 В груди теплеет,
 И сердце млеет,
 И хочется запеть, в том ты права.

Припев:

Пылай в руках, моя звенящая гитара,
 И дни и ночи непокоем вороши!
 Всё прожитое наше прошлое недаром
 Освещено огнём души!

Игра на струнах,
 Как на котурнах,
 Нас возвышает и напевами манит.
 Под сердца стуки
 Мелодий звуки
 Притягивают души, как магнит.

Припев:

Как пенье скрипки,
 Твои улыбки –
 На сердце радость, сколько не смотри.
 Понятно сразу
 Душе и глазу,
 Что счастье не вне, оно внутри.

РОМАШКОВЫЙ ДОЖДЬ

Дождь плачет, в окно стучится,
Никто его не выпускает,
И льётся с небес водица,
Как будто слеза людская.

А шум за окном всё громче,
И стук барабанный в стёкла.
Рыдающий дождь настойчив,
Вся улица вмиг промокла.

Нахмурились тучи грозно,
И ливень на всех обижен,
А мы с тобой, даже розно,
Друг другу родней и ближе.

Дождь выплакался, и настезь
Распахнуты окна смело.
Легко ведь, когда поплачешь:
Вновь дышит свободно тело.

Пусть дверь и душа нараспашку,
Ворвусь я к тебе, как ветер,
С охапкою солнц-ромашек
Для лучшей из всех на свете.

РУЧЕЙ

Бреду один, свободный и почти ничей,
 И вдруг навстречу незатейливый ручей
 Бежит по улице свободнее, чем я,
 И никого счастливей нет того ручья.

Пробил он русло через снежный беспредел,
 И нет того, кто задержать его бы смел.
 Он точно знает, что бежит к реке родной
 И только ей себя отдаст, лишь ей одной.

И пристыдил меня пример того ручья.
 Ведь если я ничей, она тогда же чья?
 И понял я, о чём ручей сказать хотел –
 Цветы в охапку, я к любимой полетел.

ТАНГО С ДОЖДЁМ

Я к любимым дождям равнодушен:
К тёплым и холодным, к проливным,
С изморосью мелкою воздушной,
К затяжным, коротким и иным.
Первый дождь, весенний, на цветенье,
Освежает чувства, как слезой.
Радует июнь прохладной тенью,
Как июль с раскатистой грозой.

Припев:

Дожди откровенья,
Всё ясно без слов,
Отбросив сомненья,
Играем в любовь.
Пусть льёт, как из шланга,
Танцуем вдвоём
Промокшее танго
С тобой под дождём.

Август не спеша расправит плечи,
Их омывши мягкой водой,
Долгожданной радуется встрече
С осенью, дождливо молодой.
Разукрасив зелень разноцветом,
Осень в красно-жёлтом, подбочась,
Пригласит в бездожде бабье лето,
Высушив слезу в свиданья час.

Припев:

Гонит ветер тучи мокрой стаей,
 В ритме капель музыка слышна,
 И кружит под ливнем мостовая,
 В дождь, наверно, тоже влюблена.
 Не придумав ничего прелестней,
 Одарив лишь радугой-кольце,
 Последождевое поднебесье
 Признаётся так в любви земле.

Припев:

УЛЫБКА ЦВЕТОВ

Опять вскипает пенная сирень,
Гуляю в светлой кепке набекрень.
В такие дни поэты мы,
И, может быть, поэтому
Свидание с тобою в этот день.

Как хорошо, что есть на белом свете ты,
Как хорошо, что мы с тобой не разминувшись.
Наполненные светом белые цветы
При нашей встрече мило улыбнулись.

Пылают розы алые в саду,
Волнуясь, на свидание иду
И, сделав предложение,
С коленопреклонением
К ногам твоим букет цветов кладу.

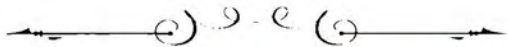
Как хорошо, что есть на белом свете ты,
Как хорошо, что мы с тобой не разминувшись.
Наполненные страстью красные цветы
При нашей встрече знойно улыбнулись.

И вот спустя каких-то сорок лет
Из полевых цветов несу букет.
В такие вот мгновения
Приходит откровение,
Что нас с тобой счастливей в мире нет!

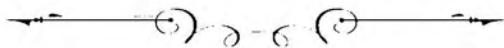

Как хорошо, что есть на белом свете ты,
Как хорошо, что мы с тобой не разминулись.
Наполненные негой скромные цветы
При встрече лепестками улыбнулись.

БАСНИ

ПАСТУХ

Телёнок из стада в саванне пропал,
Проспал Пастушок животину,
К всевышним богам обращаться он стал:
«Найти помогите скотину».

Услышал в ответ недалече шумок.
«Спасибо!» – чуть молвив устами,
С надеждой Пастух полетел со всех ног
Теленка искать за кустами.

Там Лев свою жертву уже доедал,
Рыча и сверкая очами.
Мальчишка, молитву опять зашептал –
Услышал совет за плечами:

«Беги что есть мочи, удел твой таков,
На случай надейся и милость богов».

Вот так же и в жизни: молитвы свершай,
На бога надейся, а сам не плошай.

СПРАВЕДЛИВЫЙ ВОЛК

Пастух друзей к себе созвал,
Их угостить бы надо,
Поэтому освежевал
Он двух овец из стада.

Поднос бараниной парил,
Ел и худой и толстый.
Пастух друзей благодарил
И пил со всеми тосты.

На запах Волк из темноты
Вдруг заглянул в палатку.
Голодный аж до тошноты
Слюну глотал вприглядку.

И в тишине, возникшей вдруг,
Стол оценив глазами,
Волк Пастуха и всех вокруг,
Ошеломил словами:

«Я вам ни друг, ни сват, ни кум,
Мне жаль, что мы не вместе!
Какой вы подняли бы шум,
Будь я на вашем месте!»

Пусть, уходя, он хвост поджал,
Незванный гость к обеду,
Над Пастухом Волк одержал
Моральную победу.

ЖИЗНЬ В ИПОСТАСИ СКАКУНА

Взбесился конь и седока помчал.
 Не отрывали взгляда люди.
 — Куда несёшься? — кто-то прокричал.
 — Куда коню угодно будет!

По жизни держим путь свой, кто куда,
 Нам кажется, что мы свободны.
 А занесет порой судьба туда,
 Куда страстям твоим угодно.

Каким страстям!/? Когда нас ждут дела,
 Фортуны ласка: «Приголублю!»
 Несёмся, закусивши удила,
 Куда угодно честолубью.

С друзьями выпить хочется порой
 И полежать, наевшись, без движенья,
 И пусть тогда под яркой мишурой
 Несут нас волны наслажденья.

И вот когда пора уже уснуть
 Страстям, карьере, сладкой лени,
 На внуков глядя, новой жизни суть
 Воспринимаем с умилением.

Не жаль, что очень быстро пронеслась
Судьба – короткое цунами.
Уж такова у жизни ипостась,
Не управляемая нами.

ОСЬ И ВОЛЫ

Волы арбу тянули молчаливо,
 Не жалуясь на тяготы судьбы.
 За них стонала громко и спесиво,
 Скрипучая каналья – Ось арбы.

И вот Волы, на Ось взглянув с укором,
 Услышали в ответ визгливый крик:
 «Меня жалеют, провожая взором,
 А кто к Волам сочувствием проник?»

Всё в жизни происходит точно так же:
 Кто лямку жизни тащит, тот молчит;
 Бездельник всем о трудностях расскажет,
 А если не услышат – прокричит!

СЛЕЗЫ ПРОМЕТЕЯ

По легенде старинной из Греции Древней,
Прометей, создавая из глины людей,
Их в огне закалил, добавляя к ним кремний,
Отчего на Олимпе прослыл как злодей.

«Быть таким, как кремень, могут только
титаны,
Иль гиганты Аида, иль боги, как мы!
Мягкотелые ж молятся пусть неустанно,
А «гончар» – не избегнет в Колхиде тюрьмы».

Пантеон, возмутившись, решил в одночасье,
Чтоб исполнил их волю послушный Гефест*.
Прометей же, предвидя людские несчастья,
Слезы лил, словно воду, в последний замес.

От огня испытаний тех воля крепчает,
Кого создал из глины титан Прометей,
Но порою и сильных людей размягчают
Слезы счастья, печали, любви и детей.

* Исполняя приказ Зевса, Гефест приковал Прометея к скале и, создав подобную богам Пандору, послал её на землю к людям как «прекрасное зло». Из-за её любопытства были выпущены на волю все людские беды и несчастья.

ПРО ЛИСУ И ЖУРАВЛЯ

Это вроде простая история:
Подружилась лиса с журавлем.
У них общая вся территория,
Ходят вместе повсюду вдвоем.

Дружба их уваженьем умаслена,
С журавлём покумилась лиса.
Разлетается сплетен напраслина –
Лес не верит таким чудесам.

«Угости-ка её ты по-нашему!» –
Расшумелись крылатые вдруг.
«Предложи ты ему блюдо с кашею,
И узнаешь, какой он нам друг».

Взяв глубокий кувшин с узким горлышком,
Журавель влил крошку на дно.
А лиса на тарелочном доньшке
Чуть размазала каши пятно.

Эх, куме бы орудовать ложкою,
Вместо морды бы клюв подлинней –
Языком не достать дна с крошкой,
И становится рыжая злей.

Не берётся в клюв кашлица манная,
Поднимается злобы волна.
У лисы зреет мысль не туманная
Отомстить за обиду сполна.

Шерсть клочками летела, пух с перьями,
Так поссорились кум и кума.
Ненавидят друг друга теперь они,
Из-за этого вся кутерьма.

Как почуют пернатые рыжую,
На крыло – и быстрее в полёт.
Никогда не помирятся, вижу я,
Те, кто лижут, и тот, кто клюёт.

ОЛЕНЬ И ВОЛК

Известно всем: у гордого Оленя
Рога ветвисты, благородна стать.
Он жителям лесным – на загляденье,
Вполне бы мог царём зверей он стать.

Но стук копыт, и гордая осанка,
Красивые рога, и трубный крик –
Все это лишь для хищников приманка:
Олень для Волка – сытный материк*.

Нет ни рогов и ни копыт у Волка,
Нет красоты – он просто хочет есть,
И, в благородстве видя мало толка,
Оленя съесть считает он за честь.

От Волка, словно заяц трусохвостый,
Бежит, объятый паникой, как все,
Напуганный красавец пантоносный,
Забыв о гордости своей и о красе.

Что красота спасает мир – известно.
Но в жизни этот принцип терпит крах.
Перед зубами Волка, если честно,
В глазах у красоты – смертельный страх.

* Материк – матёрый зверь. Матёрый – полный сил, крепкий, достигший зрелости. (По С. Ожегову)

ВОРОН

Однажды ворон средь прогалин
Лесных, в траве, змею добыл,
Но схваченной змеей ужален
Смертельно тут же ворон был.
Он в муках умирал ужасных,
Пугая криком вороньё:
«Поймал добычу я, несчастный, –
И погибаю от неё!»

Ах, как нам хочется богатства,
Побольше денег накопить,
За будущее не бояться,
Чтоб вкусно есть и сладко пить.
Но так не думает богатый,
Урвавший куш, нашедший клад,
Торговец с рынка тороватый
И тихий вор – простой завсклад;
В благополучии бытейском,
Спокойно трудно им прожить;
Вопрос их мучает житейский,
Куда свой капитал вложить;
Их семьи, виллы, яхты гневно –
Всё охраняют от людей;
Они боятся каждодневно
За жизнь свою и за детей.

Вороний вспоминай обычай
В мечтах о денежной тиши:
Не съела бы тебя добыча,
Не отравили б жизнь гроши.

АСТРЕЯ И ЧЕТЫРЕ ВЕКА

Из всех богов небесной галереи,
Как воплощение благих идей,
Богиня справедливости, Астрея,
Жила не в небе, а среди людей.

На протяжении многих поколений
В законах строгих не было нужды:
Не знали люди злобы, преступлений,
Ни зависти не знали, ни вражды.

Без ревности любви пылали страсти
Тогда, в счастливейших из всех веков,
Когда, не ведая болезней и напасти,
Мы жили без врагов и дураков.

Учила жить по правде дочь Фемиды.
Блажен был каждый в той судьбе простой,
И не желал никто иной планиды,
И век тот назывался «золотой».

За ним пришел «серебряный век» правды,
Потом и «бронзовый» своё привнёс.
Но возжелал один себе награды,
Другой на друга написал донос.

Астрея всех судить пыталась честно,
Огонь обид тушила, как могла.

А беды, бедствия людские тесно
Входили в быт, и в кровь – во все дела.

«Железный век» настал, и государства
По чину граждан разделили всех,
И деньги появились, и лекарства,
И унижения, и зависть, и успех.

И толпы в очередь к Астрее встали,
Ища защиты у богини вновь.
И удивлялись: «А богиня та ли?
А вдруг иссякла к нам её любовь?»

С тех пор Она исчезла, но до ныне
Мы, доверяя собственным очам,
Среди созвездий чистой Девы имя
На небе наблюдаем по ночам.

—→←—

И следуя привычке древних предков,
Чтоб от обид в отчаянье не впасть,
Мы все-таки надеемся нередко,
Что нам поможет небо или власть.

НОВЫЙ ДЕМОКРАТ

Настало время перемен.
Вот в думе собрались
Медведь, известный бизнесмен,
И хитроумный лис,
 Команда гривокудых львов,
 Стремительный гепард.
 Орлы, отряд глазастых сов,
 Пятнистый леопард.

Среди такой лесной братвы
Не хищник заяц был.
Коры любитель и ботвы,
Он свой удел забыл.

У микрофона стал кричать:
«Как сын лесной страны,
Я не могу, друзья, молчать:
Мы, звери, все равны.

Пускай и хищников отряд
Кору с ветвей грызёт.
А то, по правде говоря,
Нам, зайцам, не везёт.
 Как мясо есть – так это львам.
 Им лакомый кусок.
 А поделиться – нате вам
 Соломы старой клочок».

Такая речь произвела
Средь хищников фурор,

И процедура завела
 Звериных прений хор:
 — Косого знаем мы давно!
 Ему толкнуть бы речь!
 — Зачем?! – Да зайцу всё равно!
 Внимание б привлечь!
 — Ему бы зубы, как у нас!
 Да когти поострей!
 — Тогда б всё было в самый раз!
 И нам повеселей!
 Под шерстью видно было, как
 Наш заяц покраснел.
 Все знали: он, наверняка,
 Без масла хлеб не ел.
 А призывал он потому
 Всех к равенству зверей,
 Что захотелось вдруг ему
 Побольше поскорей.

Нужна ли здесь для нас мораль?
 Она давно уж есть.
 Ведь кто бунтарь – по жизни враль,
 Любитель вкусно есть.

ЛИСА И ЦЫПЛЁНОК

Гуляя за забором на просторе,
Цыплёнок рыжей пойман был Лисой
И в мыслях о кончине страшной вскоре
Пролепетал: «Я – худ, как сухостой!

Мне жаль, что встретился тебе теперь я.
Во мне съестного – жилы, кожа, пух,
Две ножки худосочных, кость да перья,
Ведь я курёнок тощий – не петух.

А к осени я стану толст, как братья,
И попадусь упитанным тебе.
Отъемся я в полпуда, стану ль врать я,
Предчувствуя уже конец судьбе.

Эх, видела б, Лиса, моих сестёр ты,
Племянниц, тёток, клушу из родни,
Все угловатости у них как будто стёрты,
Такие круглые от жирности они.

Не веришь мне? Готов я без обману,
Корысть на то моя цыплячья есть,
Семейство всё – и мне по барабану –
На задний двор, сюда, к тебе привезь.

Я почему такой худой и слёзный,
Скажу тебе, как брат, имей в виду,

Они зовут меня сальмонеллёзный,
В отместку их сюда и приведу».

И голова у рыжей закружилась
От сытой перспективы впереди,
Вот, наконец-то, жизнь её сложилась:
«Ну, что ж, цыплёночек, давай веди!»

Поняв, что в жизни всё не так уж плохо,
В щели меж досок вмиг исчез пострел:
«Лиса, я ж инкубаторский, дурёха!» –
С издёвкой за забором он пропел.

Купившись на стремлении к наживе,
Лиса умнее будет наперёд.

Но знай, умеют счастьем в перспективе
Политики убалтывать народ.

О РАВЕНСТВЕ ЗВЕРЕЙ

Как трудно жить, когда царит разврат,
Несправедливость, слабых унижение,
То злупотреблѣньям нет преград,
То революции в умах брожение.

Всѣ потому, что во главе подлец,
Но умер вдруг жестокий бедолага.
Царь новый, справедливый, наконец,
На трон взошёл, и воцарилось благо.

Толпою звери ко двору царя
Стекались, чтобы тех призвать к ответу,
Кто обижал простых зверушек зря,
И всех, кто изживал других со свету.

Держал ответ перед отарой волк
За то, что резал он овец несчастных.
Любил баранину и, в овцах зная толк,
Был к бедам и к несчастьям их причастен.

Прощения у всех зверей просил
Охотившийся днями и ночами,
Зелѣный, острозубый крокодил.
Он каялся, рыдал, даваясь слезами.

Тут заяц поднял уши в небеса:
«Я так мечтал дожить до дня такого,

Когда покается передо мной лиса,
Что съела деда и отца косого».

Казалось бы, настали, времена,
Когда счастливая мечта реально стала,
Но удивилась вдруг опять страна:
Жена царя козу в лесу задрала.

Для многих в норме жизнь прожить безгласо,
И позабыть бы надо про права:
Ведь у кого клыки, тем нужно мясо,
А у кого резцы – сойдёт трава.

ВОР И БОЛТУН

В овчарню как-то Волк проник
В незапертую дверь,
И понял он, открыв тайник:
«Полакомлюсь теперь».

От счастья Волк чуть не завыл,
Он был-то просто Вор.
В овчарне ночью слышан был
Такой вот разговор.

Баран, качая головой,
Вздыхая, говорил:
— О, разрази господь того,
Кто дверь не затворил!

— Я не прислужница вам тут! —
Ответила жена.

— А вдруг грабители зайдут,
Тогда нам всем — хана!

— Весь этот трёп из-за меня? —
Их Волк переспросил. —
К чему вся эта болтовня?
Я дверь уж притворил.

— Ну, что вы, упаси Вас бог!
Вы гость наш дорогой!

Но кроме Вас войти ведь мог
И кто-нибудь другой!

Баран не льстив был, и не пьян,
И вежливым в отца,
Но все-таки он был баран,
Жена его – овца.

БАРАН И ВОЛК

Фантазии весёлой волю дав,
Баран в собачью вырядился шкуру –
Рогатый получился волкодав,
Таким баран и вышел на натуру.

Пугающе противный овцепёс
Гонял волков в степи, как зайцев серых,
Он страх и ужас в волчью стаю внёс,
В ней не нашлось с ним связываться смелых.

Он так взял вожака их на испуг,
Что за клыкастым по лесу носился,
Но шерстью зацепивши острый сук,
Мгновенно пёс в барана превратился.

Остановившись, Волк его спросил:
– Ты что, баран? За мной решил гоняться?
– Я... это... понимаешь... пошутил!
Догнал тебя, чтоб вместе посмеяться.

Волк шутки понимал на уровне клыков –
Уменьшилось в отаре поголовье.

Мораль проста, и вывод мой таков:
Шутить с иными* – вредно для здоровья.

* У Пушкина в сказке «О золотом петушке» под «иным» подразумевался «царь».

ВСЁ КАК ВСЕГДА

В наш лес назначен новый царь зверей.
Он сразу ввёл нам новые порядки
И, чтоб мы с властью не игрались в прятки,
Побольше проложил в лесу аллей.

Все старые деревья снёс вокруг
И вырубил в чащобах закоулки,
Чтоб выходили звери на прогулки
С детьми и в окружении подруг.

Большие средства вложены не зря,
А для народного же интереса.
Хвалить не уставала наша пресса
Демократичность нового царя.

Не сразу поняли мы, звери, одного,
Поверив просвещенному обману,
Что превратился пышный лес в саванну,
В которой Львам удобнее всего.

Ну, что такое «демократия в лесах»?
Не власть народа это – своеволие.
Стыдливо пряча взгляды поневоле,
О демократии забудем при царях.

СИЛА И УМ

Почему-то Давид Голиафа побил,
Одиссей обманул великана Циклопа,
Бонапарт овладел половиной Европы,
Ленин светом идей цепь рабов разрубил?

Здесь нельзя не заметить один феномен:
Все герои побед были малого роста,
В своей басне Эзоп объясняет всё просто:
Рост – одним, а другим – хитроумность взамен.

Когда в смертных людей Зевс рассудок вливал,
Он назначил в помощники сына Гермеса.
Хоть и богом был сын – оказался повеса:
Он, ленивый, для разума мерку сковал.

Одинаково всем разливая ума:
Маловатых по росту наполнил до края,
Ровно столько ж высоким, на рост не взирая,
Влил по мерке, их сделав глупее весьма.

Дорог всем золотник, пусть он даже и мал.
Сила есть – так ума почему-то не надо.
Мы – могучий народ, но лишь глупое стадо
Перед кучкою власти: так бог нас создал.

КУЛИК

Осталось в прошлом многое, вдали,
Но память сохранила всё же что-то:
Жил на болоте некогда кулик,
Естественно, хвалил своё болото.

И всё серьёзно было, а не так,
Научный труд он посвятил болоту,
И гранты получал не на пятак,
Свою имел для публикаций квоту.

Не покидая далеко пенат родных,
На поиск новых мест он сил не тратил,
Пернатых осуждал из стран иных
И перелетных не любил собратьев.

Особенно досталось лебедям,
Предателям, по куликову мнению:
«Они за всякий заграничный срам
Продали родину, – кричал он в упоенье. –

Они, красуются то там, то здесь,
Курлыканьем маня в чужие дали,
А мы не продадим отчизны честь,
Чего мы за границей не видали?»

Он так бы и ворчал, но времена
Пришли другие, климат поменялся,

Покрылась льдом озёрная страна.
Тут наш кулик как будто бы унялся

И по совету тех же лебедей
Поднялся ввысь, но после перелёта
Патриотических не бросил он идей,
В чужой стране найдя *своё* болото.

И вот однажды к нам издалека
Известие пришло от баобаба:
Там, на чужбине, всё же кулика
Однажды просто задавила жаба.

ЛИСА И ПЕТУХ

«Сегодня у меня шикарный будет ужин, –
Соседская Лиса хвалилась Петуху. –
Не вспомню, сколько лет с твоей семьёй мы
дружим.

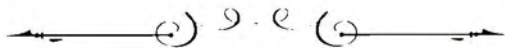
Я приглашаю вас на кашу и уху.

Не откажи со мной отметить день рожденья,
Я встретить этот день мечтаю средь друзей.
А кто мне ближе всех? Скажу без заблужденья:
Лишь твой куриный двор – без уток и гусей.

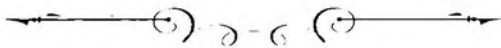
Всех плавающих птиц ничуть не уважаю.
Им только б гоготать, да крякать, да шипеть.
Зато твоих цыплят я просто обожаю,
А как уж ты поёшь – никто не может петь!»

Захваленный Петух так охмелел от лести,
Что, всю собрав родню, про бдительность
забыл,
Привёл семью в нору, поверив лисьей чести...
В тот вечер у лисы шикарный ужин был.

Найти бы дураков – вот у Лисы забота.
Таких же, как Петух, пожалуй, и не счесть.
Обманывать других – доходная работа,
И для неё всегда народ у власти есть.

ЭПИЛОГ

НЕ ТА ПЛАНЕТА

Не ТА это, видно, планета,
И люди, наверно, не те!
Вопросы мои без ответа:
«Что скрыто в немой темноте?!

Где тени ночуют без света?
И кто мы в пространстве миров?
Священникам или эстетам
Известен ли адрес богов?»

Мы с детства, мечтая о чуде,
Молитвы не смели читать.
Случайным срастанием судеб
Рождённые здесь обитать.

И что изменилось с годами?
Планета – по-прежнему клеть,
Никак не взмахнуть в ней крылами
И к вечности не улететь!

Наступит вослед за рассветом
Истлевшая тьмы пустота.
Ну, где ж ты, иная планета,
Которая всё-таки ТА?

СОДЕРЖАНИЕ

ОЧАРОВАН С ДЕТСКИХ ЛЕТ	5
------------------------------	---

ЛИРИКА РАЗНЫХ ЛЕТ

СЕКРЕТ ПОЭЗИИ	14
ПОЭТУ	15
ПРОСЬБА	16
ДОМ, СЫН И ДЕРЕВО	17
КАВАТИНА	18
СТИХОТВОР	19
ФАНТАЗИЯ	20
ЗИМНИЙ БАЛ	21
СОНАТА	23
ЭТЮД	25
ДВА ГЕНИЯ	26
НЕЮБИЛЕЙНОЕ	27
ДЕНЬ И ГОД РОЖДЕНИЯ	29
ТОРОПИТЕСЬ ЖИТЬ	30
ПОСВЯЩЕНИЕ	31
ВETERАН	32
ШЕСТОЕ ИЮНЯ	33
СВЕТ ЗВЕЗДЫ	34
КОНЦЕРТ В КЛУБЕ	35
НЕВЫСКАЗАННЫЙ МОНОЛОГ РОМЕО	37
ПАМЯТЬ СЕРДЦА	38
БАЛЛАДА О ЗИМОРОДОКЕ	41
МУМУ	44
ФИЛИПОК	47
ПРО БОРЩИ	50
БИЛЬЯРДНЫЙ ДУРАК	51
КОМУ ЧТО!	53
ПАРАДОКСЫ	54

«Иду по тропке узенькой...»	98
«На себе я должна осторожно...»	99
«Плачут, плачут, плачут...»	100
«Спросонья, ещё до рассвета...»	101
«Не от холода дрожь под шинелью...»	104
«Есть реликвия нашего дома...»	105
«Когда гляжу на молодых бойцов...»	106
«Совершенно случайно осталась...»	107
«Я оглох от наступившей меня тишины...»	109
«Я не знал, что такое «бояться...»	110
ВETERAN КАВАЛЕРИИ	111
«Теперь усопшим ставят на могилах...»	113
ПРОПАВШИЙ БЕЗ ВЕСТИ	114
ОБМУНДИРОВАНИЕ	115
РАМУШЕВСКИЙ КОРИДОР	117

ИЗОПОЭЗИЯ

НАДКУШЕННЫЙ ПЛОД	121
БАБА ЗОЛОТАЯ	123
ГОРА КАЙЛАС	125
ЛИЧИНА. ЛИК. ЛИЦО.	127
«Мы горим, как свеча...»	129
АРКАИМ	131
ВЕСНА В ПИТЕРЕ	133

ПЕСНИ

НЕ ЗАМЁРЗЛА БЫ ДУША	136
ВСЁ ЭТО ТЕБЕ	137
ПЕРЕД ПРОЩАНИЕМ	139
НА ВЫПУСКНОЙ БАЛ	140
ДРУЗЬЯМ	141
КАЗАЧЬЯ ПОХОДНАЯ	142
ДОРОЖНАЯ	143
КУРОРТНЫЙ РОМАН	144

В РАЗОРВАННОЙ ТИШИ	145
ОБНЯВШИСЬ, ПОМОЛЧИМ	146
ОСЕННИЙ ВАЛЬС	147
ПЕСНЯ МЕЧТАТЕЛЯ	148
ПОГОНЯ ЗА СУДЬБОЙ	149
ПЫЛАЙ, МОЯ ГИТАРА	150
РОМАШКОВЫЙ ДОЖДЬ	151
РУЧЕЙ	152
ТАНГО С ДОЖДЁМ	153
УЛЫБКА ЦВЕТОВ	155

БАСНИ

ПАСТУХ	158
СПРАВЕДЛИВЫЙ ВОЛК	159
ЖИЗНЬ В ИПОСТАСИ СКАКУНА	160
ОСЬ И ВОЛЫ	162
СЛЕЗЫ ПРОМЕТЕЯ	163
ПРО ЛИСУ И ЖУРАВЛЯ	164
ОЛЕНЬ И ВОЛК	166
ВОРОН	167
АСТРЕЯ И ЧЕТЫРЕ ВЕКА	169
НОВЫЙ ДЕМОКРАТ	171
ЛИСА И ЦЫПЛЁНОК	173
О РАВЕНСТВЕ ЗВЕРЕЙ	175
ВОР И БОЛТУН	177
БАРАН И ВОЛК	179
ВСЁ КАК ВСЕГДА	180
СИЛА И УМ	181
КУЛИК	182
ЛИСА И ПЕТУХ	184

ЭПИЛОГ

НЕ ТА ПЛАНЕТА	187
---------------------	-----

КОНОПЛЕВ
Василий Георгиевич

С ТЕПЛОМ
И
СВЕТОМ

ИЗБРАННОЕ

Подписано в печать 20.10.19. Формат 84 x 108 $\frac{1}{32}$
Бумага офсетная. Печать офсетная. Физ. п.л. 13
Тираж 300 экз. Заказ № 7636.

Отпечатано в ТОО «Издательство «Северный Казахстан»
150001, г. Петропавловск, ул. Кошукова, 5.

17

ЦББА
800 ТТ

ОУНБ Петропавловск

0079 7768

